

Дед Мороз, ПОДАРИ МАМЕ СЧАСТЬЕ!

ЯНА
ДМИТРИЕВА

Яна Дмитриева

Дед Мороз, подари маме счастье!

«Автор»

2026

Дмитриева Я.

Дед Мороз, подари маме счастье! / Я. Дмитриева — «Автор»,
2026

«Дед Мороз, ведь этот ребёнок — я. Разве из-за меня маму нельзя любить? Это ведь неправда?» Восьмилетняя Лиза написала Деду Морозу письмо. Она не просит ни куклу, ни собаку. Только одного: чтобы мама перестала плакать по ночам. После развода Аня осталась без квартиры и почти разучилась доверять людям. Теперь её жизнь — работа, забота о дочери и попытки начать всё заново. В канун Нового года Аня отправляется на корпоратив в загородный отель. Праздничные огни, заснеженный лес и Роман Северин — богатый, властный мужчина, с которым ей лучше бы не встречаться. Но метель отрезает отель от мира, а прошлое неожиданно связывает их сильнее, чем хотелось бы. «Я просто хочу, чтобы кто-нибудь любил мою маму так же сильно, как я». А вдруг под Новый год сбываются даже такие желания?

© Дмитриева Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Письмо Деду Морозу.	5
Глава 1. После развода.	7
Глава 2. Новогодний список.	11
Глава 3. Обои с облаками.	17
Глава 4. Билет в Новый год.	24
Глава 5. Самое секретное желание.	28
Глава 6. Последний праздник втроём.	32
Глава 7. Дорога в лес.	37
Глава 8. Чужой хозяин праздника.	42
Глава 9. Люкс без личного пространства.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Яна Дмитриева

Дед Мороз, подари маме счастье!

Пролог. Письмо Деду Морозу.

Дорогой Дед Мороз!

Меня зовут Лиза. Мне восемь лет. Я учусь во втором классе.

Наша учительница сказала, что можно попросить у тебя самое главное желание. Я сначала хотела собаку. Потом куклу с настоящими волосами. Но теперь я придумала другое.

Только, пожалуйста, прочитай моё письмо до конца.

Раньше у нас была большая квартира. У меня была своя комната с обоями в облачках. А папа поднимал меня на руки, чтобы я могла повесить звёздочку на ёлку и красный стеклянный домик.

Тогда мы все смеялись.

Я не знаю, почему потом всё изменилось.

Папа стал всё время злой, кричал на маму. Говорил, что она толстая, никому не нужна и «без него - никто». Но это неправда, она просто устаёт. Моя мама очень красивая, особенно когда улыбается. Только теперь она почти не улыбается.

Однажды папа сказал, что квартира его и мы должны уйти. Я думала, он просто разозлился и потом извинится. Но он не извинился. Он кричал так сильно, что даже соседка сверху начала стучать по батарее. Я испугалась и залезла под стол. А мама сидела на кухне и плакала. Она старалась делать это тихо, чтобы я ничего не услышала. Но я всё слышала.

Теперь мы живём у бабушки. Квартира маленькая. Я сплю с мамой на одном раскладном диване. Мама всегда говорит, что у нас всё хорошо, когда щекочет меня, и мы смеёмся. Я люблю, когда она смеётся. Только потом она снова становится грустной.

А ночью она иногда плачет.

Я слышу, хотя она старается очень тихо. Смотрит в потолок и держит руку там, где было кольцо. Я лежу и не шевелюсь, потому что если мама узнает, что я не сплю, она начнёт меня успокаивать. А я хочу, чтобы хоть кто-нибудь успокоил её.

Папа иногда приходит, но без подарков. Говорит, что у него теперь новая семья будет, нормальная, и что я уже большая и всё пойму. А я не понимаю.

А ещё он сказал, что мама никому не нужна, потому что у неё есть ребёнок.

Дед Мороз, ведь этот ребёнок — я.

Разве из-за меня маму нельзя любить? Это ведь неправда?

Я стараюсь быть хорошей. Сама собираю портфель и убираю игрушки. Мама и так много работает, чтобы у нас всё было.

Но я не могу сделать так, чтобы она перестала плакать.

Наверное, потому что я ещё маленькая.

Поэтому, пожалуйста, не дари мне куклу. И собаку тоже пока не надо.

Лучше найди для моей мамы хорошего папу.

Не для меня. У меня папа уже есть. А для мамы.

Пусть он никогда не кричит на маму. Пусть обнимает её, когда ей грустно. И говорит, что она красивая, даже если она только проснулась и волосы у неё торчат в разные стороны. А ещё пусть иногда приносит ей цветы. Не на день рождения, а просто так. Чтобы мама знала, что её любят.

Только пусть он сначала придёт к нам как гость. Может быть, на Новый год. Чтобы мама не испугалась. А если он ей не понравится, пусть уходит. Я не обижусь.

Я не знаю, как правильно попросить такого папу. В магазинах их не продают. Но ты же Дед Мороз, ты поможешь, правда?

Мне не надо, чтобы он назывался моим папой. Я просто хочу, чтобы кто-нибудь любил мою маму так же сильно, как я. Пусть она будет счастливой. Я просто не хочу больше делать вид, что сплю, когда мама плачет.

Спасибо тебе, Дед Мороз.

Только не говори маме, что я написала это письмо. Она расстроится, если узнает, что я слышу, как она плачет.

С наступающим Новым годом! Снегурочку тоже поздравь.

Твоя Лиза.

Ах да, я совсем забыла! Маму зовут Аня. А то вдруг ты найдёшь хорошего папу, но отправишь его не к той маме.

Глава 1. После развода.

Будильник не звенел — его Аня отключила ещё месяц назад. Всё равно просыпалась раньше.

Сначала — тишина. Потом знакомые звуки: за стенкой кашляла мама, в коридоре скрипнул шкаф, батарея вздохнула и плюнула чем-то булькающим.

Аня лежала на краю раскладного дивана, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить Лизу. Дочка спала, поджав ноги, уткнувшись носом в её плечо. Худенькая, всегда сбивающаяся на середину кровати, как будто боялась, что её снова отодвинут.

В потолке нашлась трещина, которую можно было разглядывать вместо мыслей. Мысли были хуже.

На безымянном пальце — тонкий белый след от кольца. Иногда она машинально тёрла его, словно кольцо всё ещё было и просто чуть сползло. Сегодня тоже поймала себя на этом и раздражённо сжала руку в кулак.

— Мам... — Лиза шевельнулась, открыла один глаз. — Мы проспали?

— Нет, — Аня посмотрела на старые электронные часы на тумбочке. Семь ноль три. — Всё по плану. Спи ещё пять минут.

— Пять — это сколько? — уже сонно-деловым тоном уточнила дочь.

— Пока я досчитаю до ста, — тут же сдала позиции Аня. — Медленно.

Лиза вздохнула, закрыла глаза, прижалась плотнее. «Раз, два, три...» — Аня считала про себя и думала о премии. Новогодняя. Её могли дать — или не дать. От неё зависело слишком много: новые сапоги для Лизы, лекарства для мамы, хоть какая-то нормальная ёлка, а не этот пластиковый колышек с облезшей мишурой.

На «двадцать девять» Лиза неожиданно села.

— Мам, а если бы Дед Мороз был настоящим начальником, он бы тебе премию дал?

— Дед Мороз начальником не станет, — хмыкнула Аня, протягивая руку к дочке. — Он занятой мужчина, у него зима, дедлайны.

— А наш начальник злой, да? — Лиза уже выглядела абсолютно бодрой. — Ты вчера сказала, что он... как ты сказала?.. Козёл.

Аня закашлялась.

— Я... Я сказала «костёл». Это такое здание.

— Ага, — Лиза хитро прищурилась. — Значит, наш директор — здание.

— Одевайся, здание моё, — сдалась Аня. — Нам через сорок минут выходить.

Кухня была слишком маленькой для трёх людей и слишком большой для их надежд. Мама уже стояла у плиты, в выцветшем халате с лимонами, помешивая овсянку.

— Подъёмники наши проснулись? — не оборачиваясь, спросила она.

— Один проснулся, другая делает вид, что не проснулась, — Аня подтолкнула Лизу к умывальнику. — Ма, не клади мне много, мне на работе кофе дадут.

— На работе тебе дадут нервный тик, а не кофе, — буркнула мама. — Ешь. Ты вчера домой в девять приползла, считай.

Лиза плюхнулась на табурет, уткнулась ложкой в кашу.

— Бабушка, а если мама будет хорошо работать, ей дадут денег, и мы купим большую квартиру?

— Если бы за хорошую работу давали квартиры, мы бы сейчас во дворце жили, — отрезала мама, но взгляд у неё стал мягче. — Пока нам надо дожить до Нового года, а там будет видно.

Аня молча ела. Каждая фраза про «дожить до Нового года» звучала как шутка с привкусом правды. В компании ходили слухи: старый владелец продал часть бизнеса, появился какой-то новый инвестор. Обычно это означало одно: сокращения и «оптимизация».

По должности Аня была специалистом по административным вопросам — человеком, который делает всё, что больше никто делать не хочет. Организовать корпоратив, перевести договор, найти подрядчика, разобраться с придурком-курьером — это к ней.

— Ты на корпоратив-то поедешь? — спросила мама, ставя на стол дешёвый чай.

— Обязана, — Аня поморщилась. — Я же организатор. Меня там ещё до всех разорвут.

— Зато, может, премию увидишь, — сухо заметила мать. — Ты с Игорем только сегодня не пересекайся, ладно?

Имя бывшего мужа ударило, как холодный воздух из подъезда.

— Это не от меня зависит, — тихо ответила Аня. — Он — заместитель генерального. А я — административка. У нас общий офис, ма.

— У тебя с ним общий только ребёнок, — резко сказала мама. — Всё остальное он уже забрал.

Лиза, ловившая каждое слово, нахмурилась.

— Он не забрал. Мы просто... переехали.

— Мы просто стали умнее, — быстро вставила Аня. — Лиз, жуй давай. И зубы не забудь почистить.

Мама закатила глаза, но промолчала. Ссориться при внучке она старалась меньше, чем при дочери.

Офис встретил Аню теплом батарей и холодом голов. В коридоре уже толпились коллеги с бумажными стаканчиками, обсуждая одно и то же:

— Говорят, новый владелец приедет лично на корпоратив.

— Да ну, ему больше делать нечего?

— Там долю неплохую купили, он теперь типа самый главный.

— А Игорь как? — шепотком спросила секретарь из соседнего отдела.

— А что Игорь? — тут же повернулась в сторону шёпота худая блондинка Катя, подруга Ани. — Игорь как был, так и остался — сам себе праздник.

Аня сделала вид, что ничего не слышит. Сняла пальто, спрятала шарф с ворсинками, поправила пучок. В зеркальной двери шкафа увидела знакомое: усталое лицо, тёмные круги под глазами, слишком честные глаза.

«Толстая», — вспомнилось голосом Игоря. Она машинально втянула живот, хотя и так похудела на два размера.

— Ты сегодня как зомби, — Катя возникла рядом, вцепившись в стакан с кофе. — Опять до ночи отчёты?

— До ночи жизнь, — буркнула Аня. — Что за новый владелец, слышала?

— Да кто его видел, — Катя махнула рукой. — Фамилия у него какая-то... не офисная. Вчера финансовый снабдюк трындел, что он «очень жёсткий и очень богатый». Представляешь, какая редкая комбинация?

Аня хотела ответить, но в этот момент по офису прокатился голос Игоря:

— Коллеги, через пять минут совещание по корпоративу! Всех, кто в списке, жду в переговорной.

Голос был слишком знакомым. В нём всегда было немного сцены: как будто он выступает, даже когда просит передать соль.

Катя сделала сочувственное лицо.

— У тебя в списке?

— Угадай с трёх раз, — Аня уже открывала почту на компьютере. В теме письма светилось: «Обязательное присутствие. Ответственная — Анна Крылова».

Она на секунду закрыла глаза.

«Конечно, — подумала. — Кто ещё будет ответственным, если не та, на которую легко всё повесить».

Переговорная была стеклянной. Аня всегда чувствовала себя там рыбкой в аквариуме. Ты сидишь, а на тебя смотрят, проходят мимо, иногда показывают пальцем.

На одном конце стола сидел Игорь — в идеально сидящем костюме, с аккуратно уложенными волосами, с тем самым выражением лица «я выше всего этого». Рядом — его новая невеста, Кристина. Она в компании не работала, но появлялась часто, особенно там, где были деньги, статус и место для эффектной картинки.

Кристина лениво листала телефон. На её тонком запястье блестели часы, стоимость которых Аня могла прикинуть только по принципу «это больше, чем все мои долги вместе взятые».

— Анна, присаживайтесь, не стесняйтесь, — сказал Игорь, даже не глядя на неё. — Вы у нас сегодня звезда.

«Звезда, которую можно сжечь», — машинально отметила Аня, опускаясь на стул ближе к середине стола.

— Итак, — Игорь щёлкнул пультом, на экране появилась презентация с изображением загородного отеля, заснеженных елей и улыбающихся людей с бокалами. — Новогодний корпоратив состоится, как и планировалось, тридцать первого декабря, в отеле «Лесная Терраса». Выезд утром, возвращение первого числа к вечеру.

Лёгкий шорох по залу. Кто-то уже тихо матерился: Новый год не дома, а в компании коллег. Аня же мысленно пересчитывала: день туда, день обратно, бабушке придётся одной с Лизой, значит, заранее надо завести продукты, подарки, лекарства...

— Отдел административного обеспечения, — Игорь перевёл взгляд на Аню, наконец удостоив её прямого взгляда, — берёт на себя координацию мероприятия. Анна Крылова — ответственная за всё. Размещение, транспорт, программа, подарки, коммуникация с отелем. Вопросы?

Вопросов не было. Несколько человек отвели глаза: все уже представляли, на кого будут списывать возможные накладки.

— Да, — подняла руку Кристина, даже не поднимая глаз от телефона. — А у вас будет отдельная программа для руководства? Нам бы... чуть-чуть другой уровень сервиса.

Несколько человек хихикнули. Аня почувствовала, как щёки заливает жар.

— Мы можем согласовать отдельный банкетный зал для топ-менеджмента, — спокойно ответила она. — Но отель у нас один, кухня общая. Постараюсь, чтобы вам было комфортно.

Игорь усмехнулся.

— Анна умеет выкручиваться, — громко сказал он. — У неё большой опыт.

Слово «опыт» прозвучало так, что несколько мужчин обменялись многозначительными взглядами. Аня сжала руки под столом. Некогда любимое чувство юмора Игоря давно превратилось в кастет.

— Кстати, — он переключил слайд. — Есть ещё один момент. Новый совладелец компании выразил желание лично присутствовать на мероприятии. Возможно, неофициально, без пафоса. Поэтому, — он снова посмотрел на Аню, — придётся постараться.

«Новый совладелец» был для неё таким же безликим, как очередной пункт в списке задач. Пока Ане было всё равно, кто именно добавится к перечню людей, которым нужно угождать, не имея на это полномочий.

— Фамилию хотя бы назовите, — попросил кто-то с другого конца стола.

— Увидите — узнаете, — отрезал Игорь. — В любом случае, для вас он — руководитель. Собрание свернули быстро. Коллеги начали выходить, бросая на Аню то сочувствующие, то откровенно злорадные взгляды.

Катя подождала её в коридоре.

— Ну что, звезда корпоративного фронта? — она развела руками. — Тридцать первое в лесу, первое в автобусе, романтика.

— Романтика — это когда ты можешь отказаться, — сухо сказала Аня. — У меня романтика заканчивается, когда Лизе надо купить ботинки и забрать её из садика.

— Из школы, — поправила Катя. — Восемь лет уже человеку.

— Тем более, — Аня провела рукой по лицу. — Ладно, мне надо уже звонить в этот отель, узнавать, что там вообще есть.

— Ань, — Катя понизила голос. — Ты Игоря не слушай. Ты умница. Это он прицепился к своей картинке жизни и теперь из неё не вылезет.

Аня усмехнулась уголком губ.

— Если бы от его слов у меня закрывалась ипотека на новую квартиру, я бы попросила его говорить круглосуточно. А так — это просто шум.

Она сказала это уверенным тоном, как будто реплику репетировала.

Внутри же каждая подобная фраза — «разведёнка с прицепом», «никому не нужна», «сама подписала» — оставляла тонкую царапину, от которой уже не спасали ни юмор, ни привычка.

За рабочим столом Аня открыла список задач.

Первое: связаться с «Лесной Террасой», уточнить количество свободных номеров.

Второе: подготовить опрос по пожеланиям сотрудников.

Третье: согласовать подарки для детей сотрудников.

При слове «дети» она почувствовала, как внутри что-то кольнуло. Вчера Лиза принесла из школы листок с красной шапкой Деда Мороза и надписью «Новогодняя акция: Письмо чуду». Аня кивнула, сказала «красиво», повесила листок на холодильник и забыла.

«Она же написала, — мелькнуло у Ани. — Сама. По-настоящему. О чём?»

Она даже представить боялась.

Аня вздохнула, открывая браузер, чтобы найти контакты отеля. В этот момент пришло новое письмо с пометкой «важно».

От: «Пиар-отдел».

Тема: «Новогодний проект “Письмо Деду Морозу”: сбор писем детей сотрудников».

Она кликнула.

В рамках корпоративной социальной ответственности новая управляющая компания поддерживает инициативу по сбору писем детей сотрудников. Письма будут переданы лично нашему новому совладельцу для рассмотрения и исполнения желаний в пределах разумного...

Аня перечитала «новому совладельцу» и «лично». В висках неприятно стукнуло.

«Лизка же...»

Холод прошёл по спине.

Если её девочка написала туда что-то похожее на то, что крутилось у неё в глазах по ночам... Кто-то чужой это прочитает. Какую-нибудь детскую, но обнажённую правду: про папу, про квартиру, про «толстую маму».

Аня стиснула зубы.

Аня закрыла письмо. В списке задач на экране всё ещё значились подарки детям сотрудников. Этим хотя бы можно было заняться, не заглядывая в чужие конверты.

Глава 2. Новогодний список.

К концу рабочего дня Аня научилась различать три вида тишины.

Первая была нормальной: люди наконец-то занимались своими делами. Вторая — подозрительной: если по офису никто не носился и не звонил, значит, где-то уже случилась неприятность, но до неё ещё не дозвонились. Третья наступала после разговора с Игорем. В такой тишине хотелось проверить, на месте ли у тебя голова.

Сегодня выпала третья.

Она закрыла таблицу с количеством сотрудников, потом открыла обратно. Семьдесят шесть фамилий, из которых четыре появились так поздно, словно люди возникли на свет специально для того, чтобы испортить ей корпоратив. Напротив транспорта стоял жёлтый значок «подтвердить», напротив банкета — красный «срочно». На почту пришло ещё два письма с вопросом, можно ли заказать в отеле блюда без лука и «что-нибудь без праздничной музыки».

Аня добавила в список четвёртый пункт: «Уехать в лес одной». Стерла. Это было слишком похоже на мечту.

— Ты ещё здесь? — Катя высунулась из-за перегородки.

— Нет. Это моя восковая фигура. Настоящая я лежит на берегу тёплого моря.

— У восковой фигуры очень убедительные круги под глазами. Поехали, я тебя подброшу.

— Мне в магазин. Лизе сапоги хотя бы посмотреть. У неё подошва на честном слове держится.

— Тогда до магазина. У меня как раз по дороге.

Аня хотела отказаться — привычка уже успела открыть рот, — но Катя стояла с ключами в руке и совершенно не собиралась слушать список причин.

— Ладно, — сказала Аня. — Только не читай мне лекцию про то, что я никого не прошу о помощи.

— А что, сама прочитаешь? — уточнила Катя.

Бабушка уже забрала Лизу из школы. Она прислала Ане сообщение: «Уроки почти сделаны. Хлеба возьми. Не батон, обычный». Через минуту следом прилетело: «И поешь сама». Аня почему-то почувствовала себя виноватой за то, что ещё не успела проголодаться.

В машине Катя рассказывала, как один из начальников потребовал от организатора корпоратива «непредсказуемой атмосферы, но строго по утверждённому сценарию».

— Это как? — спросила Аня.

— Ну, чтобы всё шло не по плану, но если пойдёт не по плану, тебя уволят.

— Знакомая методика управления.

Они притормозили у супермаркета. На улице уже темнело. Над входом висели серебряные звёзды, возле дверей притворно радовался жизни пластиковый олень, а из динамиков лилась песня, в которой кто-то очень счастливый предлагал всем немедленно загадывать желания.

Аня посмотрела на рекламную вывеску «ПОДАРКИ ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ» и машинально достала телефон с банковским приложением. Сумма на экране была не смертельной. Просто неприятно живой: из неё требовалось прокормить трёх человек до зарплаты и каким-то образом извлечь Новый год.

— Я бы с тобой пошла, — сказала Катя, — но у меня доставка через полчаса. Ты точно доберёшься?

— У меня две ноги и проездной. Это почти роскошь.

Катя не стала спорить. Только коснулась Аниного плеча — быстро, по-дружески — и уехала.

В магазине было тепло и шумно. У стойки с зимней обувью стояла женщина с мальчиком лет пяти. Мальчик отчаянно хотел сапоги с лампочками в подошве. Мама говорила, что они дороже и всё равно быстро сломаются. Мальчик объяснял, что без лампочек его ноги совершенно не смогут ходить.

Аня поймала себя на улыбке.

У Лизы таких переговоров давно не было. Она смотрела на ценник раньше, чем на вещь. В прошлом году ещё могла спорить, доказывать, что кукла с настоящими волосами лучше обычной. Теперь говорила: «Не надо, у меня же есть».

Аня взяла сапоги, проверила молнию, согнула подошву. Нормальные. Тёплые на вид. На ярлыке значилась цена, после которой слово «нормальные» захотелось взять обратно.

Она поставила коробку и взяла соседнюю пару. Та была дешевле, но подкладка казалась такой тонкой, что её, наверное, можно было использовать вместо марли.

— Вам помочь? — спросила продавщица.

— Мне бы такие, чтобы зимы не боялись, — сказала Аня. — И чтобы зарплаты тоже.

Продавщица сочувственно улыбнулась. Хорошая женщина. Ничем помочь не может, но хотя бы не советует взять две пары.

В конце концов Аня сфотографировала ценники и ушла без покупки. Нужно было ещё раз проверить Лизин размер. И получить премию. Желательно в этом порядке.

Возле новогоднего отдела она остановилась. На нижней полке стояла небольшая кукла в красном пальто. Не роскошная, но с тонкими косичками и серьёзным лицом — почти Лиза, когда та объясняла, что нарисованный кот не толстый, а «просто пушистый вширь». Аня взяла коробку.

В мыслях сразу возникла картина: Лиза сидит на диване, развязывает ленту и сначала не верит, что подарок действительно ей. Потом улыбается. Не вежливо и осторожно, как теперь, а во весь рот, забыв обо всём.

Аня перевернула коробку.

Ценник обнаружился сзади, как подлая оговорка мелким шрифтом.

Она посчитала. Ещё раз. Если отложить лекарства маме на следующую неделю, взять дешёвые сапоги, а вместо мяса приготовить макароны с сыром...

«Прекрасная финансовая стратегия, Крылова. Ребёнку — куклу, бабушке — давление».

Аня поставила коробку обратно. Немного криво. Поправила, чтобы стояла ровно, и пошла за хлебом.

Дома её встретил запах поджаренного лука и голос Лизы:

— Мам, только не заходи пока!

— Куда? В квартиру? У меня, между прочим, постоянная регистрация хотя бы здесь не отменена.

— На кухню не заходи! Я кое-что делаю.

Аня остановилась в коридоре с пакетом. Сняла ботинки и увидела торчащие из-под стола ноги дочери в домашних носках. Одна пятка была протёрта до полупрозрачного пятна.

— Лиз, а если у нас пожар, ты тоже скажешь сначала не заходить?

— Если у нас пожар, я скажу спастись рисунки. Они у бабушки в шкафу. Не подслушивай!

Из кухни донеслось бабушкино:

— Рисунки она спастись будет. А меня кто? Я тут картошку жарю, если что.

— Тебя пожарные, — не подумав, ответила Лиза. — Ты взрослая.

— Спасибо, внученька. Буду знать, кого в завещание не включать.

Аня прислонилась к стене и впервые за день засмеялась без усилия.

Через пару минут Лиза разрешила входить. На столе лежал лист в клеточку с заголовком: «Мой новогодний список». Над словом «новогодний» красовалась ёлка, похожая на зелёного ежика. Справа была нарисована маленькая звезда — видимо, для официальности.

— Это для бабушки, — поспешно сказала Лиза. — Чтобы она знала, что купить к столу.
— Конечно, — серьёзно кивнула Аня. — Бабушке без протокола никак. Покажешь?
— Только сначала руки помой.

Она сказала это точь-в-точь бабушкиным голосом. Аня покорно ушла в ванную.

Когда вернулась, Лиза сидела над списком, закрывая локтем половину листа. Аня успела прочесть «мандарины», «салфетки с оленями», «свечка, но без огня» и «снег, если будет».

Ниже другим цветом было написано: «мне».

— Это необязательно, — сразу сообщила дочь.

— Что именно?

— Ну, вот этот раздел. Можно без него.

Аня села рядом. Бабушка демонстративно отвернулась к плите, хотя шумно помешивать картошку уже перестала.

В разделе значились: тёплые сапоги, цветные карандаши, большой шоколад с орехами и кукла. Последнее слово было перечёркнуто несколькими линиями. Ручка так сильно продавila бумагу, что на обратной стороне выступили бороздки.

— А куклу почему убрали из списка? — спросила Аня так легко, как смогла.

— Передумала.

— Быстро.

— Я вообще быстро думаю.

— Это я заметила. Иногда даже быстрее, чем говоришь.

Лиза не улыбнулась. Она приложила ладонь к бумаге, словно боялась, что слово вылезет обратно.

— Просто куклы уже для маленьких, — сказала она. — А я во втором классе.

— А, ну да. В восемь лет положено интересоваться ипотекой и тарифами ЖКХ.

— Что такое ипотека?

— Такая взрослая игрушка, которую очень дорого купить и невозможно потерять. Ладно, извини. Не буду лезть.

Лиза помолчала.

— Мам, а сапоги можно тоже не покупать до Нового года. У меня же старые есть.

Аня посмотрела на дочкины ноги под столом. В старых сапогах у Лизы после прогулки неизменно промокал один носок. Дочь это, конечно, знала. Просто научилась ставить чужие проблемы выше мокрых ног.

— Сапоги мы купим, — ответила Аня. — Это не подарок. Это сапоги.

— Но они же деньги стоят.

— Удивительное дело. Даже хлеб стоит. И коммуналка. Может, нам всем перестать покупать хлеб, чтобы государству стало стыдно?

— Бабушка говорит, ты опять шутишь, когда грустно.

Аня подняла глаза на мать. Та внимательно рассматривала крышку сковороды.

— Бабушка слишком много обо мне знает.

Лиза придвинула лист ближе к себе.

— Тогда подарки можно не все, — сказала она тихо. — Мне правда хватит карандашей. У меня синий сломался, а без синего небо получается какое-то больное.

В груди у Ани что-то неприятно затянулось. Она могла бы сейчас сказать, что всё купит, что непременно будет премия, что до праздника случится чудо. Лиза бы кивнула. Дети вообще удивительно умеют кивать, когда взрослые обещают то, во что сами не верят.

— Карандаши будут, — сказала Аня. — Сапоги тоже. А насчёт остального посмотрим. Только у меня просьба.

— Какая?

— Не вычёркивай ничего потому, что боишься меня расстроить. Можно не купить вещь. Но хотеть её — не запрещено.

Лиза потёрла пальцем зачёркнутое место.

— А если я хочу слишком дорогое?

— Тогда будем вместе думать. Не обязательно сегодня. И не обязательно всё покупать.

— А тебе чего хочется?

Аня даже растерялась.

— Сейчас? Душ и поспать без будильника.

— Это не новогоднее желание. Это просто лечение, — серьёзно сказала Лиза.

Бабушка фыркнула у плиты.

— Наконец в доме появился врач. Осталось рецепт выписать.

После ужина Аня помогла дочери с задачей про два автобуса. В одном ехали двадцать четыре школьника, в другом — на шесть меньше. Нужно было узнать, сколько детей отправились на экскурсию. Условия выглядели подозрительно простыми для задачи, над которой Лиза сидела уже десять минут.

Лиза честно считала. Ошиблась на трёх пассажиров, рассердилась, зачеркнула строчку и начала снова. Аня сидела рядом, читала рабочие сообщения. Игорь просил обновить список приглашённых к девяти утра. Потом отдельным письмом — проверить VIP-меню. Потом третьим — ответить, почему баннер ещё не согласован.

— Мам, ты опять работаешь? — спросила Лиза.

— Я изображаю человека, который любит чужие праздники.

— А твой кто организует?

На этот вопрос ответа не нашлось. Аня закрыла почту.

Телефон зазвонил, когда она несла тарелки в раковину. На экране высветилось «Игорь». Лиза подняла голову раньше матери.

— Папа?

— Угу. Иди пока зубы чисти, ладно?

— Я уже чистила после школы.

— После школы и после ужина — разные исторические эпохи.

Лиза поплелась в ванную. Дверь оставила приоткрытой. Аня видела узкую полоску света на полу и понимала: дочь слушает.

— Да, Игорь.

— Добрый вечер, Анна, — произнёс он тоном, которым обычно звонил подрядчикам. — Ты прислала список дополнительных расходов на Лизу. Что это?

— То, что там написано. Сапоги и школьные материалы. Можешь перевести свою часть?

— Школьные материалы? — переспросил он. — Она что, в художественную академию поступила?

— Пока во второй класс. Но там тоже почему-то требуют тетради.

— Ты же работаешь, Аня. Неужели не можешь купить ребёнку сапоги?

Она опустила тарелку в мойку. Слишком осторожно, чтобы не стукнуть.

— Могу. Я и куплю. Мы договаривались, что расходы на Лизу несём оба.

— Не надо мне рассказывать, о чём мы договаривались. Ты сама выбрала эту самостоятельность. Кстати, на работе у тебя пока всё неплохо, насколько я понимаю. Корпоратив довели. Могла бы уже научиться быть благодарной.

Бабушка в соседней комнате шумно закрыла шкаф. Никакого шкафа она, скорее всего, не закрывала. Просто хотела сообщить, что всё слышит.

— Игорь, — сказала Аня, — давай разделять работу и нашу дочь. Я спрашиваю, переведёшь ли ты деньги на вещи, которые ей нужны.

— Сначала пришли чеки. Я не намерен оплачивать твои фантазии.

— Хорошо. Пришлю чеки.

— И ещё. Не вздумай устраивать на корпоративе свои сцены. Кристина сказала, что ты сегодня выглядела очень напряжённой.

Аня закрыла глаза. Вот и добрались до главного.

— Всего доброго, Игорь.

— Я не закончил.

— А я — да.

Она нажала отбой. Две секунды смотрела на экран, ожидая привычного нового звонка. Он не последовал.

В ванной шумела вода. Потом послышалось шлёпанье домашних тапочек, и Лиза появилась в дверях с мокрым подбородком.

— Он придет на Новый год? — спросила она.

Вот чего не было в её списке. Ни одной вещи дороже этого вопроса.

— Не знаю, солнышко. Мы с ним об этом не говорили.

— Можно я сама спрошу?

Аня почувствовала, как подступает ответ «лучше не надо». Ей хотелось защитить дочь от ещё одного холодного голоса, ещё одной обещанной и не состоявшейся встречи. Но отказаться за ребёнка — тоже способ отнять у него право хотеть.

— Конечно, можешь, — сказала она. — Только если папа не сможет приехать, это не потому, что ты что-то сделала неправильно. Договорились?

Лиза посмотрела на неё настороженно.

— Я и не думала, что неправильно.

— И хорошо.

Аня обняла её одной рукой. От волос пахло детским шампунем и чем-то сладким, совсем домашним. Лиза выдержала объятие секунд пять, потом стала выбираться.

— Мам, у тебя рука мокрая. И я уже большая.

— Прости. Забыла. Восемь лет, ипотека, всё такое.

Когда Лиза ушла укладываться, бабушка положила на стол сложенные пополам купюры. Не много. Ровно столько, сколько она умела незаметно откладывать с пенсии, покупая себе чай подешевле.

— На сапоги, — сказала она.

— Ма, убери. Тебе за давление платить.

— Таблетки куплены. Сапоги ребёнку нужны сейчас.

— Я сама разберусь.

— Да вижу я, как ты разбираешься, — мать повысила голос и тут же посмотрела в сторону дивана. Заговорила тише: — Ань, ты у меня с семнадцати лет всё сама. Сама училась, работала, сама замуж вышла за этого... дипломированного начальника. Можно хоть иногда не делать из помощи преступление?

Аня собиралась ответить. Уже нашла три разумных довода: пенсия небольшая, у мамы лекарства, её долги вообще не должны переходить на другого человека. Но увидела руки матери. Коротко стриженные ногти, тонкие голубоватые жилки. Эти руки держали её в детстве, носили сумки, утюжили школьные воротнички. Теперь лежали рядом с парой купюр, словно просили разрешения делать то, что всегда делали.

— Я не хочу, чтобы ты на нас тратилась, — сказала Аня.

— А я хочу, — ответила мать. — Представляешь, какие мы обе упрямые?

Аня взяла деньги, не пересчитывая.

— Верну с премии.

— Вернёшь, когда перестанешь считать мою любовь кредитом.

Мать сказала это сухо, почти сердито, и пошла мыть чашку. Аня осталась сидеть. Хотелось заплакать. Но из-за чашки на кухне уже шла война с засохшим чаем, и было как-то неловко устраивать конкурирующую драму.

Ночью Лиза долго ворочалась рядом. Диван скрипел каждый раз, когда она переворачивалась, а Аня делала вид, что спит. За окном проехала снегоуборочная машина, осветив потолок жёлтым светом. Трещина ненадолго превратилась в тонкую дорожку.

— Мам, — прошептала Лиза.

— М-м?

— А если я чего-то очень хочу, но это не продаётся, можно всё равно просить?

Аня уже почти проваливалась в сон.

— Конечно. Только я не обещаю, что получим.

— Я у тебя и не прошу, — тихо ответила дочь.

— Вот это меня почему-то настораживает, — сонно пробормотала Аня. — Ладно, не рассказывай. Спокойной ночи.

Лиза затихла. Прошло несколько минут. Когда дыхание матери стало ровным, девочка осторожно выскользнула из-под одеяла и достала из школьного рюкзака тетрадный лист. Это был черновик письма, которое она уже переписала на красивую бумагу и отдала учительнице.

На черновике было много зачёркнутого. В одном месте ручка оставила синее пятно, похожее на растёкшуюся звёздочку. Лиза провела по нему пальцем, потом прочитала шёпотом самые страшные строчки. Про папу. Про квартиру. Про то, как мама плачет, когда думает, что никто не видит.

Она боялась не того, что желание не исполнится. Страшнее было представить, как папа прочтёт её письмо и снова начнёт ругать маму.

Лиза сложила лист пополам, потом ещё раз. Положила под подушку, но тут же передумала: если мама будет менять наволочку, найдёт. Тогда спрятала его за старую книжку со сказками, где обложка отставала от корешка.

Вернулась под одеяло, прижалась к матери осторожно — чтобы не разбудить.

Аня, не открывая глаз, протянула руку и привычно накрыла её плечо.

Лиза задержала дыхание. Потом расслабилась и уткнулась носом в мамину ладонь.

Письмо уже уехало. Его нельзя было вернуть из коробки, как куклу с магазинной полки.

Лиза прижала ладонь к щеке и представила, как Дед Мороз разворачивает лист, испачканный синей ручкой. Пусть только дочитает до конца.

Глава 3. Обои с облаками.

На следующий день Лиза нарисовала не тот дом.

Она поняла это ещё до того, как учительница подошла к её парте. На листе стояла большая светлая квартира. Два окна, коридор, дверь в детскую. Над кроватью — голубые облака. Лиза старательно раскрасила каждое, хотя остальные дети в основном рисовали дома снаружи.

— Это что у тебя? — спросила соседка по парте, заглянув через локоть.

— Квартира.

— А почему без крыши?

— У квартиры крыша общая, — объяснила Лиза. — На всех. Её не нарисуешь.

Соседка не стала спорить. Она рисовала красный коттедж с трубой, из которой валил дым, и явно считала, что вопрос крыши у неё решён намного лучше.

На доске было написано: «Место, где я живу». Учительница сказала, что можно нарисовать двор, комнату, кухню или даже свой любимый уголок. Главное — чтобы на рисунке было то, что человек считает домом.

Лиза честно начала с любимого уголка. Только жила она теперь совсем в другом месте.

Она положила голубой карандаш. Посмотрела на рисунок и вспомнила, как мама однажды стояла в дверях их прежней квартиры с двумя большими сумками. Лиза тогда спросила, куда они едут, и мама ответила: «К бабушке, ненадолго». Слово «ненадолго» оказалось очень удобным: его никто не мог измерить линейкой, а значит, и проверить.

Девочка потянулась за ластиком.

Сначала исчезла кровать с резным изголовьем. Потом шкаф. Потом дверь в комнату. Облака не стирались: голубой карандаш был жирным, оставлял на бумаге мутные пятна. Лиза терла всё сильнее, пока лист не пошёл мелкими катышками.

— Осторожнее, — предупредила учительница, проходя между рядами. — Дырку сделаешь.

— Я не то нарисовала.

— Почему не то? Красиво же.

Лиза посмотрела на чистое место посередине листа, где ещё минуту назад стояла её кровать.

— Я там больше не живу.

Учительница на секунду задержалась рядом.

— Тогда можешь нарисовать то место, где живёшь сейчас. Или оставить воспоминание. Тут нет неправильного ответа.

Лиза кивнула, хотя именно неправильный ответ её и беспокоил. Если нарисовать старую квартиру, мама подумает, что у бабушки плохо. Если нарисовать бабушкину, получится, будто она забыла ту, где папа когда-то смеялся и подбрасывал её к потолку.

Она повернула лист другой стороной и нарисовала кухню бабушки. Маленький стол, три стула, чайник с отбитым носиком, окно. На подоконнике — цветок, который бабушка называла несчастной геранью, хотя поливала его чаще всех остальных.

Потом изобразила маму, бабушку и себя. Мама получилась такой длинной, что её голова почти упиралась в верхний край листа. Бабушке Лиза нарисовала большой карман на халате: там всегда находились конфеты и бумажные платочки. Себе — два разных носка. Это было честно.

Когда учительница вернулась, Лиза уже закрашивала скатерть в жёлтый цвет.

— Как уютно, — сказала та. — А кто это у тебя возле окна?

— Моя мама. Она высокая, только на рисунке выше.

— А рядом?

— Бабушка. И я. У нас места мало, поэтому мы стоим близко.

Учительница улыбнулась. Лиза тоже улыбнулась, но внутри неприятно кольнуло. Получалось, что на рисунке уместились все, кто каждый день был дома. А папу рисовать было некуда.

Она достала голубой карандаш и в свободном уголке нарисовала крошечное облако. Сама не знала зачем.

Вечером мама пришла раньше обычного. Не намного — всего на сорок минут, — но Лиза встретила её так, словно за окном неожиданно объявили дополнительный выходной.

— У тебя что, начальник заболел? — спросила она, пока Аня снимала шарф.

— Лучше. На совещании у него сел телефон, а без телефона он не способен докричаться до подчинённых.

— Ты опять говоришь про козла?

— Про технику, Лиз. Исключительно про технику.

— Ага.

Аня погладила её по голове. На шапке дочери висела снежинка — настоящая, растаявшая только у самого виска. Во дворе выпал свежий снег, немного, почти символически. Возле подъезда дети уже пытались сделать из него снеговика. Снеговик пока напоминал грязный шарик, которому очень не повезло родиться.

— Что у тебя в школе? — спросила Аня.

— Нормально.

— Это оценка или уголовное дело?

— Мам, нормально — это нормально.

— Понятно. Словарь обогатили.

Лиза помолчала, наблюдая, как мама ставит пакет на пол, выбирает из него хлеб, мандарины и молоко, достаёт чек и машинально сворачивает его несколько раз.

— Мы сегодня дом рисовали, — сказала она.

— Здорово. Покажешь?

— Он немного... двухсторонний.

Аня не стала уточнять, что значит двухсторонний дом. За восемь лет материнства она усвоила: лучше сначала увидеть, а уже потом задавать вопросы. Иначе можно случайно согласиться на выращивание личинки в банке.

Лиза принесла альбом. Первой открыла сторону с бабушкиной кухней. Аня долго рассматривала три фигурки. Узнала халат матери, скатерть, окно. Себя узнала по тёмным кругам под глазами, изображённым коричневым карандашом.

— Очень похоже, — сказала она. — Особенно бабушкин карман. А у меня что на лице?

— Ты просто устала.

— А-а. Реализм. Хороший жанр.

— У тебя глаза красивые, — уточнила Лиза. — Просто тут цвета не было.

Аня наклонилась и поцеловала её в макушку. Девочка не возражала, пока мама не заметила вторую сторону листа.

— А тут что?

— Не смотри.

Поздно. Аня уже увидела под стёртым голубым облаком знакомую форму кровати и рядом узкий шкаф с белыми ручками.

Всё было нарисовано неровно, с детскими неправильными пропорциями. Но она узнала эту комнату сразу. Узнала даже полоску возле окна — там Игорь когда-то сам подрезал обои, и рисунок чуть не совпал на стыке. Тогда они смеялись, спорили, кто виноват, а маленькая Лиза хлопала ладошками и требовала «ещё облаков».

— Это наша прежняя квартира, — тихо сказала Аня.

— Я сначала её нарисовала, — призналась Лиза. — А потом вспомнила, что задание про сейчас. И стёрла.

Аня села рядом на диван. Лист у неё в руках казался до смешного лёгким. На нём почти ничего не осталось — пара стен, след шкафа, голубые разводы. Почему-то от этого стало тяжелее, чем если бы дочь нарисовала всё аккуратно.

— Ты не обязана была стирать, — сказала она.

— Но мы же там не живём.

— Не живём.

— А можно рисовать то, чего нет?

Аня посмотрела на неё.

— Можно, конечно. Даже то, что очень хочется вернуть.

Лиза обрадовалась не сразу.

— А тебе не будет грустно?

Вот она, маленькая бухгалтерия чужих чувств. Восемь лет, а уже считает, сколько мама выдержит, что можно говорить, а о чём лучше промолчать.

— Будет немного, — честно ответила Аня. — Но грустно мне и так иногда бывает. Это не значит, что тебе нельзя помнить хорошее.

Лиза повернула альбом, разглаживая пальцем протёртый уголок.

— Я просто не хочу, чтобы ты думала, будто мне у бабушки плохо.

— А тебе плохо?

— Нет. Только мы с тобой спим вместе, а бабушка ночью ходит в туалет и разговаривает с дверью.

— Она с дверью разговаривает?

— Говорит: «Ну что ты опять скрипишь, зараза». Я слышала.

Аня фыркнула.

— С дверью у бабушки отношения сложные. Они давно вместе.

— И ещё... — Лиза помедлила. — Раньше у меня было место для всех книжек. А сейчас часть в пакетах. Я иногда забываю, какие у меня есть.

— Понимаю.

— Ты не обиделась?

— Нет, солнышко.

Аня положила ладонь ей на спину и почувствовала, какая она тонкая под домашней футболкой. Вчера Лиза пыталась отказаться от куклы. Сегодня — от воспоминания о комнате. Как будто всё, чего хотелось, нужно было заранее согласовывать с чьей-нибудь усталостью.

— Слушай, — сказала Аня. — Давай найдём фотографию. Ту, где ты в пижаме с лисами и с огромным воздушным шаром. Помнишь?

— Где папа держал гирлянду?

— Да.

Лиза кивнула сразу. Настороженность исчезла из её лица так быстро, что Аня почувствовала укол вины. Девочке нужно было всего лишь разрешение помнить.

Старые снимки хранились в телефоне, которым Аня давно не пользовалась. Он лежал в ящике рядом с гарантийными талонами, запасными батарейками и инструкцией к мультиварке, у которой сама мультиварка давно сломалась. Разумный человек выкинул бы половину содержимого. В их семье разумных людей не оказалось.

Телефон включался медленно. Лиза сидела рядом и не дышала, как будто они вызывали не галерею фотографий, а маленького духа из прошлой жизни.

— Там пароль, — напомнила она.

— Я помню.

На секунду Аня действительно испугалась, что не помнит. В прежнем доме столько вещей происходило по привычке, автоматически, без участия мысли. Пароли, списки покупок, даты платежей. Потом они переехали, и каждую мелочь пришлось учить заново.

Экран наконец загорелся.

Фотографии сначала были обычными: Лиза на самокате, бабушка с пирогом, случайный снимок потолка, сделанный детским пальцем. Потом нашёлся декабрь нескольких лет назад.

Игорь стоял на стремянке у окна в старой домашней футболке и держал целый клубок гирлянды. Одной рукой он пытался распутать провода, другой придерживал Лизу, которая решила немедленно залезть к нему. На следующем кадре оба смеялись, и Аня вспомнила, что тогда тоже смеялась — не из вежливости, не чтобы сгладить его настроение, а просто потому, что двое любимых людей выглядели очень глупо.

— Папа тут смешной, — сказала Лиза.

— Очень.

— Он говорил, что мы повесим лампочки по всей комнате. Даже над шкафом.

— А потом выяснилось, что провод короткий.

— И он сказал, что надо удлинить Новый год!

Лиза захихикала. Аня тоже вспомнила эту фразу. Игорь тогда действительно был смешным. Ему нравилось возиться с ёлкой, он покупал дочери нелепые украшения, умел сделать из обычного завтрака событие. По воскресеньям жарил сырники, которые всегда пригорали с одной стороны. Если сосед по лестничной клетке жаловался на шум, Игорь с виноватым видом обещал им больше не радоваться так громко.

«Он ведь не сразу стал тем человеком, — подумала Аня. — Или я не сразу стала замечать?»

Она не знала ответа. Наверное, оба варианта были бы слишком простыми.

На следующей фотографии пятилетняя Лиза стояла на кровати и показывала в камеру язык. За её спиной тянулись белые облака с тонкими голубыми контурами. Обои выбирали вместе. Аня хотела что-нибудь спокойное, без рисунка: так практичнее, можно будет менять мебель. Игорь предложил облака — увидел образец в магазине и сказал, что в детской должно быть похоже на небо, а не на приёмную у стоматолога.

Тогда Аня поцеловала его прямо между стеллажами с рулонами. Продавщица кашлянула, смущённая их счастливой глупостью.

Лиза протянула палец к экрану.

— Вот это моё облако. Видишь, маленькое, рядом с лампой? Я думала, что оно похоже на рыбку.

— Оно и было похоже на рыбку.

— А папа говорил — на картошку.

— Папа всегда видел в искусстве что-то съедобное.

Они ещё долго листали снимки. Аня замечала то, чего тогда не видела. На одном кадре Игорь держал её за плечи и смотрел в объектив, а она смеялась во весь рот, слишком довольная жизнью, чтобы думать о том, какой у неё живот. На другом — стояла на кухне без косметики, в растянутом свитере, и совсем не казалась себе некрасивой.

Позже появились другие фотографии. Более аккуратные, постановочные. Рестораны, костюмы, дорогой стол, за которым всем полагалось сидеть «прилично». Игорь на снимках смотрел уже не столько на них, сколько на то, как они выглядят. Аня заметила, что стала чаще выбирать удачный ракурс, прижимать локти к телу, проверять, не выбилась ли прядь из причёски.

Она попыталась вспомнить, когда всё изменилось.

Не получалось.

Сначала Игорь получил новую должность. Потом денег стало значительно больше. Потом появились замечания, произнесённые будто между прочим: зачем ей столько времени с ребёнком, если можно нанять няню; почему она вечно ходит в одном и том же; отчего в доме опять беспорядок. Любую вещь можно было исправить. Купили шкафы, поменяли шторы, наняли уборщицу. Только ощущение, что она всё время недотягивает до какой-то невидимой нормы, никуда не делось.

Однажды Аня потратила почти весь день на семейный ужин. Игорь позвонил за полчаса до возвращения и сообщил, что задержится. Ещё через два часа, уже за полночь, пришёл и спросил, зачем она опять приготовила столько еды. «Ты же знаешь, мне нужно держать форму». Он даже не кричал. Просто посмотрел на остывшее мясо и поставил портфель на стул, где обычно сидела Лиза.

Аня тогда убрала тарелки. И впервые не стала рассказывать ему, как прошёл её день.

Событие было совсем небольшим. Не из тех, о которых рассказывают подруге по телефону со словами «представляешь, что случилось». От таких мелочей не уходят утром с чемоданом. Но именно из них почему-то и складывается жизнь, в которой однажды оказывается нечего сказать.

— Мам, — позвала Лиза.

Аня вздрогнула. Телефон потемнел у неё в руке.

— Да?

— Ты сейчас опять вспомнила плохое?

— Немножко.

— Можно тогда обратно на гирлянду? Где папа смешной.

Она не просила оправдать отца. Не требовала делать вид, что после того Нового года ничего не произошло. Она просто хотела ещё раз посмотреть на фотографию, где они все умели смеяться.

Аня разблокировала телефон и вернулась к нужному снимку.

— Конечно.

Они сидели рядом, пока на кухне бабушка гремела кастрюлями и тихо ругалась на плохую крышку. Потом Лиза попросила отправить ей фотографию. Аня переслала. Девочка долго смотрела, проверяя, появилась ли она у неё в телефоне, и наконец убрала его в карман.

— Я не забуду эту комнату, — сказала она. — Даже если у нас потом будет другая.

— Не надо забывать, — ответила Аня.

— А можно в другой тоже облака?

— Можно. Если тебе не надоест.

— Мне не надоест.

— Ты это же говорила про овсянку с бананом. Через три дня она у нас официально стала врагом народа.

Лиза улыбнулась, но быстро посерьёзнела.

— А если у нас не будет другой комнаты?

Вопрос повис между ними. Аня хотела сказать «будет». Почти сказала. Ей отчаянно хотелось быть такой матерью, которая уверенно называет будущее, словно это соседняя остановка: доедем, выйдем, всё будет на месте.

Но у неё не было денег на квартиру. Была работа под началом бывшего мужа, новогодняя премия под большим вопросом и маленький листок с перечёркнутой куклой.

— Тогда сделаем облака здесь, — сказала она. — Для начала. Хочешь?

Лиза посмотрела на узкую стенку над диваном. На ней висела старая репродукция с лесом. Бабушка утверждала, что в семье эта картина уже тридцать лет, и «ничего с ней не случилось, в отличие от людей».

— А бабушка разрешит?

— Спросим.

Бабушка появилась в дверях с полотенцем через плечо.

— Что разрешить?

— Мы хотим облака, — сообщила Лиза.

— На улице полно. Берите, сколько надо.

— Бумажные. Над диваном.

— Вот так новости. У меня тут потолок держится на приличии, а вы уже небо обустриваете.

— Мы на стену, ма, — объяснила Аня. — На бумажный скотч. Не повредим обои.

Бабушка помолчала, окинула взглядом их диван, стопку учебников на подоконнике и Лизин альбом.

— Делайте. Только если стенку испортите, будете лично договариваться с хозяином квартиры.

— Ты хозяйка квартиры, — напомнила Аня.

— Тем более. Я страшная женщина, когда мои обои трогают.

Через полчаса они вырезали облака из обычной белой бумаги. Ножницы были одни, и потому процесс напоминал очередь в муниципальном учреждении: каждый терпеливо ждал, пока предыдущий закончит свою важнейшую операцию. Лиза руководила художественной частью. Аня отвечала за скотч и технику безопасности. Бабушка, которая только что собиралась смотреть сериал, пришла с табуреткой и заявила, что у неё рука вернее.

Первое облако получилось слишком круглым.

— Это пельмень, — вынесла приговор Лиза.

— Облако-пельмень, — предложила Аня. — Редкое атмосферное явление.

Второе было похожим на варешку. Третье — на странную птицу. Только четвёртое, вытянутое и чуть кривое, Лиза одобрила.

— Это нормальное. Такое было возле моей лампы.

Аня прикрепила его над местом, где обычно лежала дочь. Следом появилось ещё несколько. Теперь стена выглядела не как детская из журнала, а как результат работы маленького метеорологического кружка. Одно облако съехало набок, и бабушка велела оставить его так, потому что «ветер же бывает».

Лиза забралась на диван и легла, вытянувшись во весь рост.

— Теперь видно, — сказала она.

— Что?

— Если проснуться ночью, видно, что это наше место.

Аня присела рядом. Диван скрипнул под ней. За стеной кто-то включил телевизор, в коридоре загудела старая батарея. Ничего не стало просторнее или богаче. Шкаф по-прежнему закрывался с усилием, а на подоконнике стояли все Лизины книжки, которые не влезали на полку.

И всё-таки над диваном теперь было маленькое небо.

Ближе к десяти Лиза уснула, прижав к щеке угол одеяла. Мать отправилась в свою комнату, прихватив кружку и привычное «не засиживайся». Аня осталась на кухне одна. Разобрала школьный альбом, положила его на полку — и снова открыла рисунок с двумя сторонами.

Она долго смотрела на стёртую детскую комнату. Потом нашла прозрачный файл, вложила туда лист целиком и убрала в папку с Лизиними грамотами.

Старую сторону она больше не собиралась прятать.

Телефон завибрировал. На экране высветилось рабочее уведомление: отель «Лесная Терраса» просил до полудня следующего дня подтвердить уточнённый список номеров. После этого изменения — только по согласованию с администрацией и при наличии мест.

Аня перечитала сообщение и машинально открыла таблицу. Люксы, стандарты, дополнительные гости. Игорь, Кристина, руководство. Новому совладельцу требовался отдельный номер, категория «повышенная комфортность». В графе «ответственный за изменения» стояла её фамилия.

За спиной тихо скрипнул диван.

Аня обернулась. Лиза спала, повернувшись к стене, прямо под бумажными облаками. Одно отклеилось с краю и едва заметно шевелилось от тёплого воздуха батареи.

Аня закрыла рабочую почту.

До утра ни одна гостиничная кровать не исчезнет. А вот это облако надо было приклеить сейчас.

Она взяла маленький кусочек скотча и осторожно, почти не дыша, поправила белую бумажку над головой дочери.

Утром предстояло снова решать, где и кому спать на чужом празднике. Но сегодня хотя бы одно место в мире они устроили сами.

Глава 4. Билет в Новый год.

Договор с отелем «Лесная Терраса» был похож на плохой брачный контракт: мелкий шрифт, много обязательств и ни одного подарка.

— Да вы не переживайте, — женщина на том конце провода говорила слишком весёлым голосом для человека, работающего в декабре. — У нас всё включено. Банкет, программа, ведущий, аниматоры...

— А отопление включено? — устало уточнила Аня. — Просто у нас сотрудники нежные, от малейшего сквозняка начинают жаловаться.

— Отопление у нас по умолчанию, — обиделась женщина. — Это же загородный комплекс премиум-класса.

«Премиум у нас только бывший муж», — мысленно сказала Аня, но вслух произнесла:

— Тогда фиксируем количество мест и список номеров. Отдельно, пожалуйста, люксы для руководства. И... — она сглотнула, — уточните, есть ли возможность добавить ещё один одноместный номер при необходимости.

— В принципе, да, но впритык. Полная загрузка на даты, сами понимаете, Новый год.

Аня понимала слишком хорошо. Полная загрузка у неё была в голове, в графике и в списке задач.

Она записала всё в таблицу, нажала «сохранить» и только потом заметила, что рука дрожит. Этого она себе позволить не могла — дрожь стоила ошибок, а ошибки в её положении стоили работы.

В договоре, помимо количества номеров, было ещё двадцать страниц приложений. Самым тревожным значился пункт «предоставление услуг в объёме согласованной заявки». Согласованная заявка, в свою очередь, лежала где-то в корпоративной переписке под темой «Финал_окончательный_точно_последний». Из трёх файлов с таким названием два были устаревшими.

Аня достала распечатку с пометками. Семьдесят шесть фамилий против семидесяти двух мест, первоначально оплаченных компанией. Она уже дважды пересылала дополнение, но каждый новый ответ гостиницы подтверждал только получение письма, а не наличие номеров.

— Простите, — сказала она, снова набирая администратора, — мне нужно не просто «рассмотрим», а что произойдёт с четырьмя людьми, которые приедут к вам первого... вернее, тридцать первого.

— Мы стараемся, — ответили ей. — У нас новогодний заезд, всё непросто.

— У меня тоже заезд, — сказала Аня. — Только мой умеет подавать жалобы на весь первый этаж.

Менеджер пообещала проверить дополнительные раскладные места. Аня попросила не подтверждать то, чего ещё нет, и отправила руководству вопрос письменно: кто именно утверждает увеличение бюджета и возможное изменение категорий номеров.

Ответ Игоря состоял из четырёх слов: «Анна, не усложняйте задачу».

«Конечно, — подумала она. — Пусть задача сама усложняет Анну».

Она сохранила переписку. Не потому, что верила в справедливость внутренних проверок. Просто слишком хорошо знала: когда что-нибудь пойдёт не так, память у руководства окажется удивительно короткой.

В отдел кадров Аня зашла как в другую реальность: здесь пахло кофе, духами и принтерной бумагой. На стене висел тот самый красный плакат: «Письмо чуду. Новогодняя акция для детей сотрудников».

Под плакатом стояла картонная коробка с наклейками снежинок. На боку — надпись: «Для писем Деду Морозу».

Коробка была наполовину полна.

Аня почувствовала, как в желудке неприятно сжалось.

— Ань, привет! — из-за стола поднялась Ольга, кадровичка, в вязаном свитере с оленем.
— Ты как раз вовремя. Нам надо согласовать передачу писем на этой неделе.

— Привет, — Аня заставила себя улыбнуться. — Скажи, а Лизкино письмо... оно уже... ну... поступало?

Ольга засмеялась.

— Тут пол-офиса детей нарожали, я все имена не помню. Но если она через школу сдавала, то да, уже пришло. Мы классным руководителям раздавали конверты и листы, они же всё собрали и привезли.

Аня подошла к коробке, заглянула внутрь. Корявые почерки, разные конверты, иногда без конвертов — просто сложенные листы.

— Можно... посмотреть? — голос предательски дрогнул.

Ольга удивилась.

— Ты хочешь отбраковку сделать? Мы же договорились: передаём всё как есть. Это ж трогательно, когда дети прямо из души пишут.

«Вот именно этого я и боюсь», — подумала Аня.

— Я просто... Лиза у меня впечатлительная. Могла написать какую-нибудь ересь, — попыталась она пошутить. — Чтобы потом никто не испугался.

— Ань, — Ольга мягко покачала головой. — Расслабься. Эти письма пойдут сразу нашему новому совладельцу, он сам решит, что с ними делать. Пиар-отдел от восторга пищит: «Живые истории, социальная ответственность». Ты же понимаешь.

Аня как раз начала понимать.

— То есть ты мне хочешь сказать, — медленно произнесла она, — что человек, который вообще не знает наших детей, будет читать всё это... лично?

— Да. Представляешь, как круто? — Ольга явно жила в другой вселенной. — Нам ещё сказали сделать фото с коробкой, вот, — она кивнула на телефон. — Типа “мы заботимся о семьях сотрудников”.

Она поставила коробку на стол, встала рядом, поправила свитер.

— Можешь подержать? — попросила она. — Для кадра.

Аня автоматически взяла коробку. Ольга щёлкнула фото.

В кадре получилась женщина с усталым лицом и глазами, которые явно не верят в чудеса, и коробка с письмами тем, кто ещё верит.

— Супер, — Ольга быстренько отправила снимок куда-то дальше. — Так что не переживай. Детям — праздник, взрослым — отчётность.

Аня поставила коробку обратно.

— А когда мы увидим нового... этого... совладельца? — спросила Аня.

— Не знаю, — Ольга пожала плечами. — Нам сказали: корпоратив, вручение подарков, пару-тройку тёплых слов. Может, и не появится, кто их, богатых, разберёт.

«Пусть бы не появлялся вообще», — подумала Аня, выходя из отдела.

На выходе её перехватила девушка из пиар-отдела, которую Аня знала только по имени — Настя. В руках у Насти был планшет, на шее висела яркая новогодняя лента, явно предназначенная для того, чтобы каждый встречный чувствовал себя хуже украшенным.

— Ань, можно буквально две минуты? Нам нужен эмоциональный акцент для ролика. Дети пишут о мечтах, взрослые исполняют, все плачут — ну, ты понимаешь.

— Понимаю. Особенно последнюю часть.

— Мы хотели взять пару писем с настоящими семейными историями. Без лишней конкритики, конечно. И фото детей. Там всё так искренне!

Аня выпрямилась.

— Фото только с отдельного согласия родителей. И письма не должны превращаться в объявление чужих проблем со сцены.

— Да мы же не публикуем паспортные данные.

— Ребёнку не нужен паспорт, чтобы его узнали одноклассники, — сказала Аня. — Иногда хватает фразы про маму.

Настя моргнула, будто услышала новую законодательную инициативу.

— Я уточню у руководителя, хорошо?

— Письменно уточни.

Настя ушла, прижимая планшет к груди. Аня осталась возле стойки с бахилами для посетителей и неожиданно почувствовала себя человеком, который только что попросил у волшебника предъявить разрешение на волшебство.

Аня отправила Насте короткое письмо: попросила показать ей ролик до общего просмотра и проверить согласия родителей. Впервые за день она не просто боялась того, что произойдёт, а пыталась этому помешать.

Вечером дома пахло варёными макаронами и дешёвым мандариновым гелем для душа. Лиза сидела за столом, рисовала ёлку с кривыми ветками.

— Мам, у нас в классе сказали, что письма уже уедут скоро, — информировала она. — У тебя на работе есть волшебники?

«Хуже. У меня на работе есть акционеры», — мысленно ответила Аня.

— Скорее бизнесмены в шубах, — вслух сказала она. — Ты там что написала-то?

Лиза покраснела и упрямо прикусила губу.

— Это секрет.

— Даже от меня? — Аня попыталась сделать вид, что ей всё равно.

— От тебя особенно, — Лиза надулась. — А то ты скажешь, что так нельзя.

«Значит, так нельзя», — автоматически отметила Аня.

— Ладно, — она сдалась. — Только имей в виду: Дед Мороз — это, конечно, круто, но если ты попросила там пони, дом у моря и ещё пять щенков, то...

— Я не про вещи, — перебила Лиза неожиданно взрослым тоном. — Я... Ну... Про тебя. Аня замолчала.

Мама, перебирающая бельё у кровати, тоже.

— Лиз, — Аня сделала шаг к дочери. — Ты... про меня ничего плохого не писала?

— Я что, дура? — Лиза фыркнула. — Я писала, что ты самая лучшая. Только тебе нельзя читать, это же не тебе письмо.

Слова «самая лучшая» укололи сильнее, чем любое «толстая». Потому что Аня знала: лучшая мама не просыпается ночью от мысли, где взять денег на ботинки.

— Ладно, — тихо сказала она. — Тогда я буду просто ждать, что из этого выйдет.

— Получишь подарок, — вмешалась бабушка, складывая полотенца. — Может, мужика нормального.

— Ма, — простонала Аня. — Не начинай.

— А что? — бабушка пожала плечами. — Девочка дело говорит. Тебе кто-то нужен, кроме работы и моего давления.

— Мне сейчас нужен только один мужчина. — Аня открыла шкаф и достала не самый новый, но ещё приличный чемодан. — Водитель автобуса, который довезёт меня туда и обратно живой.

Лиза тут же подскочила.

— Ты уезжаешь? На Новый год?

— На работу, — напомнила Аня. — На два дня. Ты будешь с бабушкой. У вас будет свой праздник.

— Это нечестно, — Лиза нахмурилась. — У всех родители дома, а у меня мама на корпоративе. Пусть твой начальник сам едет, а ты дома.

«Если бы», — подумала Аня.

Голос Игоря всплыл сам собой: «Если не хочешь, мы всегда найдём другую. Незаменимых нет».

— Я поеду, — спокойно сказала она. — Потому что если я не поеду, мы можем остаться без денег. А без денег никакого Нового года вообще не будет.

Лиза, конечно, не могла понять всей конструкции, но какие-то части складывались.

— Тогда привези мне оттуда снег, — после паузы сказала она. — Настоящий. В банке.

— Снег в банке растает, — вмешалась бабушка.

— Тогда видео, — Лиза не сдавалась. — Чтобы я видела, где ты.

Аня улыбнулась.

— Вот, это уже похоже на что-то. Ладно, сниму тебе гостиницу и ёлку. Если они там есть.

Когда Лиза ушла умыться, Аня осталась у кухонного стола с пустой кружкой. Мама собирала со стула чистое бельё, явно тянула время и ждала, когда можно будет сказать что-нибудь по делу.

— Я не могла ей иначе объяснить, — тихо сказала Аня. — Работа есть работа.

— Она и не просила тебя увольняться.

— Она просила остаться.

Мама замолчала. Потом аккуратно сложила полотенце, которое уже было сложено.

— Ты только не делай из этого наказание себе, — сказала она. — Ты едешь не веселиться без ребёнка. Ты едешь заработать на то, чтобы у ребёнка были сапоги. Она поймёт. А если сейчас не поймёт — у неё на это есть полное детское право.

— Ты удивительно разумная женщина, когда не рассказываешь про мужиков.

— А я всегда разумная. Просто некоторые мужики не способствуют.

Аня посмотрела на дверь комнаты. Там Лиза что-то тихо напевала, укладывая мягкую игрушку рядом с бумажным облаком. До Нового года оставалось всего несколько дней. Все говорили о чудесах. В рабочем календаре Ани чудеса почему-то числились среди задач со сроками, бюджетом и её фамилией в графе «ответственная».

Она подняла кружку, поняла, что чай давно кончился, и поставила обратно.

— Ма, ты ей скажи, что я обязательно позвоню вечером.

— Сама скажешь. И лучше сделай это.

Аня кивнула. В таких вопросах мать была не из тех, кто принимает обещания вместо действий.

Глава 5. Самое секретное желание.

В последний учебный день перед каникулами у Лизы пропала сменка.

Не совсем пропала. Она стояла под лавкой, куда девочка сама же задвинула пакет, когда доставала варежки. Но целых семь минут, пока шли поиски, Лиза успела представить, как придёт домой босиком, мама купит новые туфли, денег на сапоги снова не хватит, а Дед Мороз, если он вообще существует, решит, что перед ним семья с очень плохой организацией.

— Да вон же она, — сказала соседка по парте Соня, указывая на синий пакет. — Ты чего?

— Ничего.

Лиза подняла сменку. У одного ботинка отклеился белый кружочек на носке — украшение, которое раньше было цветком. Она спрятала его поглубже и затянула пакет узлом.

Соня тем временем рассказывала всем, кто готов был слушать, что попросила на Новый год планшет. Такой, на котором можно рисовать специальной ручкой и смотреть мультики, не отбирая у папы телефон.

— Мне сказали, что я хорошо себя вела, — сообщила она. — Значит, точно будет.

Лиза вспомнила, как вчера мама возвращала на место хлеб подороже и брала другой. Сама Лиза, конечно, ничего не просила. Она только хотела знать: если за хорошее поведение дают планшет, то что дают маме, которая работает даже по субботам?

— А ты что попросила? — повернулась Соня.

— Куклу, — ответила Лиза.

Она сказала первое, что пришло в голову, и тут же пожалела: куклу она вычеркнула из списка. Теперь получалось, что соврала дважды — Соне и собственному новогоднему бюджету.

— Какую?

— Обычную.

— Это скучно, — вынесла приговор Соня. — Надо было что-нибудь настоящее.

Лиза не стала объяснять, что хороший человек бывает куда более настоящим подарком, чем планшет. Во-первых, не знала, можно ли так говорить. Во-вторых, Соня наверняка спросила бы, зачем ей чужой человек, если у неё есть папа. А отвечать на это было трудно даже самой себе.

После звонка Марина Сергеевна попросила всех остаться на пять минут. На подоконнике горела гирлянда, к доске прикрепили снеговика с одним удивлённым глазом. Учительница положила ладони на край стола и улыбнулась той улыбкой, с которой обычно сообщала новости о контрольной работе.

— Ребята, ваши письма уже передали организаторам. Теперь они отправятся к людям, которые будут помогать Деду Морозу.

Класс зашумел. Кто-то спросил, почему помощники не в красных шубах. Кто-то — сколько у них денег. Мальчик с последней парты деловито уточнил, можно ли дописать ещё один пункт про игровую приставку.

— Письма уже запечатаны, — ответила учительница. — Но я хочу, чтобы вы одну вещь поняли. Желания бывают разные. Иногда взрослые не могут исполнить их именно так, как мы придумали. Это не значит, что желание плохое.

Лиза подняла руку.

— А если там такое, от чего взрослый расстроится?

Марина Сергеевна посмотрела на неё внимательнее.

— Если ты написала от души и никого не хотела обидеть, бояться не надо. Но можно поговорить об этом со мной или с мамой.

— Это не маме, — тихо сказала Лиза.

— Понимаю. Не обязательно рассказывать всем.

В классе снова заговорили, кто кому купит подарок. Лиза застегнула портфель и подумала, что взрослые вообще удивительные: сначала просят написать правду, а потом говорят, что от неё кто-то может расстроиться. Было бы гораздо проще, если бы на конверте сразу печатали правила. Например: «Всю правду можно, кроме той, от которой маме станет грустно».

Но таких правил не существовало. А письмо уже уехало.

✱

В то утро Аня снова получила от гостиницы подтверждение, в котором не хватало четырёх мест.

В системе по-прежнему числились семьдесят два гостя вместо семидесяти шести. Аня в третий раз запросила письменное подтверждение дополнительных мест, поставила руководителей в копию и сохранила всю переписку. Дальше повторять одно и то же вслух она не собиралась.

— Крылова, ты даже письма пишешь как повестку в суд, — сказала Катя, заглянув в кабинет.

— А иначе их читают как пожелания хороших выходных.

— Ты слышала про детские письма? Пиарщики хотят в ролик реальные истории.

Аня оторвалась от таблицы.

— Какие реальные?

— Отрывки. Без фамилий, вроде бы. У них там список «самых трогательных». Слово-то какое мерзкое, когда в него людей раскладывают.

— А содержание кто отбирает?

— Пока не знаю. Ольга говорит, согласование через управляющую компанию.

Аня медленно закрыла ручку колпачком.

— Если узнаешь, скажи мне.

Катя перестала улыбаться.

— Ань, это про Лизу?

— Возможно. Я не читала её письмо.

— Не читала — и правильно. Но ты можешь спросить, будет ли там личное. Без того чтобы выворачивать ребёнка наизнанку.

Аня кивнула. Она и сама знала. Просто любое объяснение, почему восьмилетней девочке нужна приватность, звучало в этом офисе как просьба выделить ещё один миллион на банкет. Сначала тебя вежливо выслушают, потом всё равно вставят чужую историю в презентацию.

Она написала в пиар-отдел короткое письмо: «Прошу письменно подтвердить, что персональные сведения детей и узнаваемые семейные истории не публикуются без отдельного согласования с родителями». Перечитала, добавила слово «законными представителями», отправила.

Через десять минут пришло: «Анна, не переживайте, проект позитивный!»

Аня долго смотрела на эту фразу. Потом поставила задаче красный флажок.

Позитивный проект. Значит, нужен огнетушитель.

✱

Дома Лиза встретила её без привычного «мам, смотри». Уже это насторожило Аню больше рабочего письма с пометкой «срочно».

Дочь сидела на краю дивана и крутила между пальцами маленькую резинку для волос. Бумажные облака над головой слегка шевелились от батареи. Бабушка на кухне тихо разговаривала с кем-то по телефону и грозилась самостоятельно пойти в аптеку, потому что «у них доставка как экспедиция на Северный полюс».

— Что случилось? — спросила Аня.

— Ничего.

— Это школьное «ничего» или обычное?

— Обычное.

— Поняла. Тяжёлый случай.

Она сняла пальто, села рядом. Лиза положила резинку на колено, снова взяла.

— Мам, а письмо можно отменить?

Аня сразу поняла, какое. И почему-то ощутила облегчение: дочь сама заговорила.

— Его уже отправили, солнышко. Что-то не так?

— Нет. Просто... если там кому-то что-то не понравится.

— Кому?

— Ну, Деду Морозу. Или его помощнику. У него же дела. И если я написала слишком много, он может подумать, что мы противные.

Аня едва не сказала: «Ты там что, налоговую декларацию попросила проверить?» Но дочь была настолько серьёзна, что шутка не пролезла бы между словами.

— Лиз, ты имеешь право хотеть чего угодно. Даже невозможного. За это никто не должен на тебя сердиться.

— А если я хотела за тебя?

Вот теперь всё вокруг стало громче: холодильник загудел, за стеной хлопнула дверь, с кухни донёсся звон ложечки о чашку.

— И за меня тоже, — сказала Аня после паузы. — Только есть одна вещь. Исполнять взрослые желания — не твоя работа. Это мы должны думать, как жить.

Лиза послушно кивнула, но глаза остались тревожными.

— А если помощник не найдёт хорошего человека, ты не расстроишься?

Аня медленно перевела на неё взгляд.

— Какого человека?

Лиза смутилась.

— Не скажу. Это секрет. Просто хорошего.

Слово было слишком прозрачным. Аня вспомнила бабушкины шутки, Игорева «никому не нужна», ночи, когда дочь притворялась спящей. Захотелось спросить всё сразу, прочитать письмо, забрать обратно, сделать так, чтобы никто на свете не видел в её ребёнке человека, который просит за взрослую мать.

Но Лиза смотрела на неё и явно ожидала другого.

— Я не расстроюсь, — сказала Аня. — Я вообще не буду мерить Новый год тем, найдётся ли кто-то. У меня уже есть ты и бабушка.

— А больше никто не нужен?

— Бывает, что нужен. Только такого человека нельзя получать как посылку с почты. И выбирать его должна я. Хорошо?

Лиза поразмыслила.

— А ты умеешь выбирать?

Вопрос был совершенно невинным. И оттого попал туда, где Аня давно не позволяла себе трогать.

— Учусь, — ответила она. — Потихоньку.

— Это как с сапогами? Сначала смотришь, потом примеряешь?

— Почти. Только сапоги редко врут, что у них подошва не отвалится.

Лиза наконец улыбнулась. Аня тоже. За дверью бабушка кашлянула — подозрительно вовремя.

— Ты подслушиваешь? — спросила Аня.

— Я здесь живу, — отозвалась мать. — У меня любой звук проходит по квартире без согласования с твоим отделом.

Вечером Лиза достала из шкафа большой лист с рисунком старой комнаты. Положила рядом с неровным черновиком письма, которое уже нельзя было отменить. Она не знала, сбуй-

дется ли хоть что-нибудь. На рисунке оставались облака из прежней жизни, в письме — человек, которого пока не было рядом.

Она сложила оба листа и спрятала под стопку альбомов. Потом подумала и рисунок оставила сверху. Мама разрешила помнить старую комнату. Может быть, с желаниями тоже не нужно было так прятаться.

В соседней комнате Аня выключила свет, но долго не ложилась. На телефоне мигало уведомление от отеля: «Уточнённое размещение принято к обработке». Не «подтверждено». Не «гарантировано». Очень красивая фраза для человека, у которого скоро будут семьдесят шесть пассажиров и один автобус.

Аня открыла письмо, сохранила его отдельным файлом и поставила будильник на половину седьмого.

Впереди оставался ещё один рабочий день и праздник, на который она совсем не хотела ехать.

Глава 6. Последний праздник втроём.

Чёрное платье Аня достала с антресолей за день до поездки. Оно лежало в пакете из химчистки, хотя в химчистке оно не бывало уже года три. Пакет пожелтел, зато платье ещё держало форму, как человек, которого никто не спрашивает, трудно ли ему стоять.

— Ну-ка, повернись, — приказала мать.

Аня послушно повернулась перед зеркалом в прихожей. В квартире не было другого места, где можно увидеть себя целиком: в ванной зеркало заканчивалось примерно на уровне талии, а на шкафу в комнате отражались главным образом собственные беды.

Мама присела на табурет с иглой в руках.

— Шов под мышкой опять пошёл. Я тебе сколько раз говорила, не маши руками, когда с начальством разговариваешь.

— Я руками только в душе машу. На работе мне и слов хватает.

— И это странно. Нормальным людям иногда слов не хватает, а тебе почему-то наоборот.

Аня поджала губы, чтобы не улыбнуться. Мама осторожно приподняла ткань и принялась за шов. На носу у неё сидели очки, которые она всякий раз искала минут по пятнадцать, а находила только когда начинала обвинять домочадцев в краже.

— Ну как? — спросила Аня.

— Жить можно. Только плечи расправь. Ты раньше ходила прямо, а теперь всё время как перед низкой дверью.

Аня расправила плечи.

— Так лучше?

— Лучше. Я же тебя не для того рожала, чтобы ты перед каждым Васильевым складывалась пополам.

— Ма.

— Всё. Молчу. Нитку дай.

— Она у тебя в руке.

— Значит, не мешай опытному человеку.

Из комнаты выглянула Лиза в домашней футболке с единорогом. Увидела маму в платье и застыла.

— Ой. Ты как настоящая.

— Спасибо, дочь. Обычно я, видимо, пробная версия.

— Я не так! — Лиза всплеснула руками. — Ты красивая. Просто в платье совсем как... ну, которая идёт на важный праздник.

— Именно туда её и загоняют, — буркнула бабушка, затягивая узелок.

Лиза обежала маму по кругу, словно проверяла платье со всех сторон. Потом убежала и вернулась с длинным шарфом цвета спелой вишни. У него была маленькая затяжка у края и мягкая бахрома, которую Лиза любила распутывать во время поездок.

— Надень мой, — предложила она.

— Лиз, он же тебе до пят.

— Ничего. Ты выше. И он праздничный. Если тебя Дед Мороз заметит, ты не стой столбом.

— А что мне делать?

— Улыбайся. Но не вот так, как начальнику.

Аня замерла, держа шарф. Только что собиралась пошутить, что у Деда Мороза точно нет бюджета на её новогоднюю премию, но дочь смотрела слишком серьёзно.

— А как я улыбаюсь начальнику?

Лиза наморщила нос, стиснула зубы и растянула губы в такую улыбку, что бабушка едва не уколола палец.

— Вот так, — объяснила девочка. — А надо нормально.

Аня хохотнула. И только потом почувствовала, как неприятно кольнуло внутри. Восемилетняя дочь уже отличала её настоящую улыбку от той, с которой Аня входила в офис.

— Постараюсь, — сказала Аня. — Только ты мне потом поставишь оценку.

— Я по видео посмотрю.

— Договорились.

✱✱

Пока бабушка зашивала платье, Аня решила найти коробку с гирляндой для маленькой ёлки. Коробка стояла за чемоданом, под стопкой старых полотенец, среди вещей, которые переезжали с ними из одной жизни в другую и теперь никому не были нужны достаточно сильно, чтобы их выбросить.

Она откинула крышку. Сверху лежала мишура, сбившаяся в комок. Под ней — пара пластиковых шариков и одна настоящая стеклянная игрушка: красный домик с белой крышей и крошечной золотистой дверью.

Аня осторожно взяла его за нитку.

— Он живой? — спросила Лиза из-за плеча.

— Пока да. Только не дыши слишком громко.

— Это же наш домик!

В прошлом он висел на большой ёлке в старой квартире. Игорь купил его в первый год, когда они решили отмечать Новый год втроём не у родственников, а дома. Тогда Лиза была совсем маленькой и всё порывалась снять игрушку, чтобы заглянуть внутрь — вдруг там кто-то живёт.

Аня вдруг вспомнила тот вечер с ненужной, почти физической ясностью. Игорь стоял на стуле, возился со звездой, ругался на короткий провод гирлянды. Лиза подпрыгивала под ёлкой, просила поднять её повыше. Он посадил дочь себе на плечи, а та, гордая до невозможности, повесила домик так высоко, что потом никто не мог до него дотянуться.

— Видишь, командир, — говорил он тогда Ане, смеясь, — кто у нас теперь главный?

— Лиза, — ответила она, — уже давно.

Игорь поцеловал их обеих, совершенно не заботясь, кто смотрит. В тот Новый год они съели слишком много мандаринов, уснули под старый фильм и проснулись потому, что гирлянда беззвучно мигала прямо перед глазами.

Это было. Нельзя было вычеркнуть тот вечер только потому, что позже Игорь научился причинять боль тем же голосом, которым когда-то читал Лизе сказки.

— Мам, — позвала дочь. — Ты куда ушла?

— Никуда. Домик рассматриваю.

— Давай повесим сюда.

Маленькая ёлка стояла на комоде. Ветви у неё были редкие, пластиковые, одна всё время смотрела вниз, будто ей тяжело жить. Аня передала игрушку дочери, но та не сразу взяла.

— Его папа покупал, — сказала Лиза. — Можно всё равно?

— Конечно.

— Ты же не будешь грустить?

— Могу немного погрустить, — сказала Аня. — Он красивый. И воспоминание красивое. Из-за того, что теперь всё по-другому, оно не становится плохим.

Лиза подумала и повесила домик на среднюю ветку. Ёлка качнулась, средняя ветка прогнулась под тяжестью стеклянного украшения.

— Держится, — сообщила девочка.

— Ты сейчас сказала это про игрушку или про нашу семью? — машинально спросила Аня и тут же пожалела.

— Про игрушку, мам. Семья же не на ветке висит.

Аня улыбнулась. Да. Иногда взрослые слишком много смысла пытаются повесить на ёлку, где едва держится красный домик.

Из кухни раздался голос бабушки:

— Девочки, кто у меня снова спрятал ситечко?

— Никто не прятал! — крикнула Аня.

— Значит, оно само ушло! Я живу с тайными агентами!

Лиза понизила голос:

— Бабушка с дверью поссорилась, теперь с ситечком.

Обе прыснули.

✱

Рабочее сообщение пришло почти сразу после того, как Аня убрала коробку.

Игорь: «По VIP-размещению: Кристина — со мной. Сиверину отдельный люкс. Для руководства максимальный комфорт. Надеюсь, без ваших обычных сюрпризов. Премию пока не согласовали».

Аня посмотрела на экран. Вопрос о премии всплывал уже третий раз за неделю и всякий раз оказывался привязан к новой просьбе, которая вообще не входила в утверждённый список.

Она набрала: «Сиверин включён в заявку управляющей компании отдельно. Из отеля подтверждение получено частично. По добавленным четырём участникам отправляла письма двадцать седьмого и двадцать девятого. Прошу согласовать порядок размещения руководства при недостатке номеров».

Ответ пришёл моментально: «Решите на месте. Это ваша работа».

— Спасибо за инструкцию, — сказала Аня вслух. — Никогда бы не догадалась.

— Кому это ты? — спросила бабушка.

— Человеку, который считает, что всё можно решить, если поручить это мне.

— Ну и пусть считает. Ты только себя не забывай.

Лиза протянула Ане шарф:

— Надень ещё раз. Я хочу сфотографировать.

— Сейчас?

— Сейчас ты не на работе. Значит, будешь улыбаться нормально.

Аня послушно накинула шарф, присела возле ёлки. Дочка долго выбирала угол, просила повернуть голову, потом сама склонилась к экрану с видом профессионального фотографа.

— Всё. Хорошо. Ты тут красивая.

Аня посмотрела фотографию и первым делом проверила шов под мышкой. Ничего не видно — бабушка справилась. Были видны усталые глаза, неидеальная причёска, вишнёвый шарф и улыбка, от которой она сама немного отвыкла.

— Пришли мне, — попросила Аня.

— Я тебе отправлю в мессенджер. Только не ставь на работу, а то дядя Игорь тоже увидит.

Вот так, просто. Даже фотографии дома теперь приходилось оценивать по тому, кто может их увидеть.

Аня положила телефон на стол и прижала дочь к себе.

— Не бойся, — сказала тихо. — У меня есть вещи, которые ему не принадлежат. Ты. Бабушка. Этот шарф. И моя улыбка — тоже.

Лиза зашевелилась в её объятиях.

— Мам, я не боюсь шарфа.

— Вот и отлично. Я сама немножко испугалась пафоса.

✱

За ужином бабушка объявила программу праздника, будто руководила небольшим санаторием повышенной строгости.

— Тридцать первого в пять — салат. В шесть — ужин. В восемь — смотрим концерт. Потом звоним маме, если она не бежит. В одиннадцать — горячий чай. В полночь — поздравляем всех, кто заслужил. Первого января спим сколько хотим.

— А можно до полуночи не спать? — уточнила Лиза.

— Можно. Только тогда первого января ты не проснёшься в шесть и не скажешь, что проголодалась.

— Я в шесть не скажу. Я в семь.

— Щедро.

— А я буду вам писать, — пообещала Аня. — Когда доберусь до отеля и после праздника.

— И поешь, — сказала Лиза.

— И поем.

— Не один салат.

— Не один.

— И ляг спать. Не работай до утра, как холодильник.

— Холодильник, между прочим, работает и днём, — вмешалась бабушка.

— Вот! И он всегда злой, когда его открывают, — уверенно закончила Лиза.

Аня рассмеялась. Внутри, однако, тихо кололо: дочь согласилась, что мать уедет на Новый год, и тут же принялась заботиться о том, как бы её там не забыли покормить. Вместо списка подарков дочь составляла для неё инструкцию по выживанию.

Позже Лиза потребовала отдельного обещания:

— Когда приедешь, покажи мне снег. Не только ёлку.

— У нас и во дворе есть снег.

— Но у них там настоящий лес. В лесу снег другой.

— Какой?

— Он не знает про машины.

Аня открыла рот, чтобы поправить: снег вообще ничего не знает, у него отсутствует нервная система. Но потом посмотрела на дочь и решила, что эта теория подождёт до уроков природоведения.

— Покажу, — сказала она. — Обещаю.

✱

Перед сном Аня собирала чемодан. Вещей оказалось мало, забот — много. Запасные колготки, зарядка, папка с документами, маленькая аптечка, туфли, которые натерли пятки, но выглядели прилично. Чёрное платье повесила на дверцу шкафа, чтобы утром не искать его среди остальной жизни.

Лиза лежала на диване под бумажными облаками. Не спала. Аня поняла это по тому, как ровно, почти демонстративно дочь дышала.

— Ты чего притворяешься?

— Не притворяюсь.

— Тогда это у нас разговор во сне.

Лиза повернулась на бок.

— Мам, а папа ещё когда-нибудь придёт наряжать нам ёлку?

Аня села на край дивана. Она ждала этого вопроса с того дня, как нашла в коробке красный домик, но всё равно оказалась не готова.

— Папа может приходить к тебе, когда вы договоритесь. И вы можете вместе что-то украшать. Но жить все втроём, как раньше, мы уже не будем.

— Никогда?

— Я не хочу обещать то, чего не будет, Лиз.

— А раньше он умел смеяться, — сказала дочь, уткнувшись носом в подушку. — Я помню.

— Я тоже.

Лиза помолчала.

— Значит, я не придумала?

— Не придумала.

— А теперь он всё время сердитый. Это потому, что я выросла?

Аня почувствовала, как что-то холодное и тяжёлое проходит под рёбрами. Она взяла Лизину ладонь, маленькую, тёплую, пахнущую детским кремом.

— Нет. Ты здесь совсем ни при чём. Взрослые иногда меняются, ссорятся, делают плохие вещи. Но это их решения. Не твои.

— Тогда почему он говорит, что я должна всё понимать, раз уже большая?

— Потому что ему так удобно. А ты не обязана понимать всё сразу.

— Даже математику?

— Особенно её. В ней я сама до сих пор не всё понимаю.

Лиза чуть улыбнулась в темноте. Аня погладила её по волосам.

— Ты можешь скучать по папе, — сказала она. — И любить его. Я не буду на тебя за это сердиться. Слышишь?

— А ты по нему скучаешь?

Аня посмотрела на красный домик, поблёскивающий на ёлке.

— Иногда по тому времени, когда нам было хорошо, — ответила она. — Но я не хочу обратно в то, что было потом.

Лиза задумалась. Потом подтянула одеяло к подбородку.

— Ладно. А если Дед Мороз принесёт тебе подарок, ты мне покажешь?

— Конечно. Только он вряд ли пролезет в мой рабочий график.

— Он волшебник, — возразила дочь. — У него есть пропуск.

Аня улыбнулась, наклонилась и поцеловала её в висок. В темноте был слышен скрип батареи, из кухни доносилось тихое звяканье чашек: бабушка собиралась спать, но перед этим ещё раз проверяла, выключена ли плита.

Через несколько минут Лиза задышала по-настоящему ровно. Аня осторожно встала, поправила отклеившийся край бумажного облака и закрыла чемодан.

В прихожей её ждали ботинки, пальто, папка и будильник на шесть. На стене висела Лизина фотография: Аня у маленькой ёлки в вишнёвом шарфе, улыбается почти так, как прежде.

Завтра рано утром за ней придёт автобус, полный чужих праздничных ожиданий.

А дома останутся бабушка и Лиза. Аня вдруг подумала, как давно никто из них не встречал Новый год без оглядки на чужие решения.

Аня выключила свет.

Ранний подъём был назначен. Новый год — тоже. Но её главное желание пока даже не было сформулировано.

Глава 7. Дорога в лес.

Утро тридцать первого началось не с будильника. Оно началось с тихого шуршания под боком.

Аня открыла глаза и увидела Лизу, которая стояла возле дивана, одетая в пижаму и один носок. Второй она держала в руке. Вид у дочери был такой, словно ей доверили отойти от государственного праздника на пять минут ради важного поручения.

— Мам, ты уже уезжаешь?

— Через два часа. А ты почему не спишь?

— Я проверяла, не проспала ли ты.

Аня взглянула на часы: шесть десять. Будильник ещё даже не успел испугаться своей работы.

— Ответственный человек у нас растёт, — сказала она, садясь. — Только за один носок в должности не утвердят.

Лиза посмотрела на ногу и пошла искать второй. Аня натянула халат, зашла на кухню. Бабушка уже поставила чайник и аккуратно уложила в пластиковый контейнер две котлеты, пару ломтиков хлеба и мандарин.

— Возьмёшь с собой, — сказала она. — На ваших банкетах всё красивое, но до еды ещё добраться надо.

— Ма, там кормят.

— Я верю. Меня настораживает, как именно тебя кормят. Последний раз ты в девять вечера вспомнила, что обедать не успела.

Аня не стала спорить. Положила контейнер в сумку, потом вынула и переложила в более надёжный пакет — крышка держалась на честном слове. Мама делала вид, что не замечает, как дочь проверяет пакет. Любовь между взрослыми женщинами иногда выглядела именно так: одна собирает котлеты, другая не произносит речей про самостоятельность.

На дверце шкафа висело чёрное платье. Рядом на ручке — вишнёвый шарф Лизы. Дочь ещё вчера торжественно вручила его «на удачу» и теперь следила за тем, чтобы подарок не остался дома.

— Не забудь, — сказала она, появившись с двумя носками.

— Не забуду.

— И видео.

— И видео.

— И нормально улыбайся.

— Лиз, может, ты мне напишешь полный перечень инструкций? Я его на стойку регистрации сдам.

— Я уже написала, — сказала дочь и протянула сложенную пополам бумажку.

Аня развернула лист. Внутри были три пункта печатными буквами: «ПОЕШЬ», «НЕ ЗАБОЛЕЙ», «ПРИЕЗЖАЙ». Последний был подчёркнут дважды, но написан без восклицательных знаков.

— Это всё? — спросила Аня.

— Пока всё. Ещё можно «не плачь», но ты разозлишься, что я такое написала.

Аня присела перед дочерью. Хотелось сказать, что она никогда не плачет. Хотелось пообещать, что поездка будет короткой, Новый год пройдёт спокойно, а на работе никому не придёт в голову испортить праздник. Вместо этого она сложила бумажку вчетверо и убрала во внутренний карман сумки.

— Спасибо, — сказала она. — Буду стараться по всем пунктам.

Лиза обняла её крепко и молча. Бабушка отвернулась к чайнику, который уже выключился, но явно требовал ещё одного пристального осмотра.

Когда Аня вышла за дверь, дочь крикнула из квартиры:

— Мам! Если Дед Мороз спросит, ты скажи, что я про него хорошо написала!

— Обязательно!

Лиза захлопнула дверь раньше, чем Аня успела спросить, почему это вдруг Деду Морозу понадобятся отзывы о самом себе.

Через три пролёта она остановилась, достала листок и перечитала три слова. Потом снова сложила бумагу и пошла дальше. Автобус ждать не умел.

У офисного здания уже стоял автобус — жёлтая капсула в другой мир. Хлопали двери машин, сотрудники в пуховиках перетаскивали чемоданы, кто-то открыл шампанское «для настроения».

Аня проверяла список.

— Иванов, Смирнов, Соболев... — перечисляла она фамилии, отмечая приехавших. — Отдел продаж на месте, бухгалтерия... Где IT?

— IT всегда опаздывает, — Катя пританцовывала от холода. — Они же думают, что мир подождёт, пока они перезагрузятся.

— Мир — может, автобус — нет, — отрезала Аня.

В багажном отсеке застрял чемодан сотрудницы бухгалтерии. Его колесо упорно цеплялось за край двери, и мужчина, помогавший с погрузкой, с каждой минутой терял уважение не только к чемодану, но и к современной цивилизации.

— Осторожнее, там посуда! — кричала его хозяйка от дверей автобуса.

— У вас в чемодане посуда? — переспросила Аня.

— Сервиз. Небольшой. Для подарка.

— Прекрасно. Я всё думала, чего не хватает в автобусе, который едет по зимней трассе. Фарфора.

Катя вынырнула откуда-то с двумя бумажными стаканами.

— Кофе. Без сахара. Ты сегодня странно добрая.

— У меня ещё не было времени кого-нибудь возненавидеть.

— Отлично. Впереди целые сутки.

Аня приняла стакан, но пить не стала: нужно было пересчитать пассажиров. Сначала семьдесят пять. Потом семьдесят шесть, когда из-за припаркованного микроавтобуса появился сотрудник IT в наушниках, с огромным рюкзаком и совершенно счастливым лицом человека, который не понимает, почему на него смотрят.

— Интернет здесь плохо ловит, — объяснил он. — Я последние файлы догружал.

— В автобусе связь будет ещё интереснее, — сказала Аня. — Садитесь, пока мы без вас не переехали в следующий год.

Она наконец поставила галочку напротив его фамилии. Все были на месте. Почти чудо. Теперь оставалось привезти их обратно в том же количестве и по возможности без судебных исков.

Игорь появился эффектно, как привык. В дорогом пальто, с чемоданом на колёсах, с Кристиной под руку. Они прошли мимо, как через коридор поклонов: люди расступались, приветствовали, кто-то замирал с полуприжатой к губам сигаретой.

— Анна, — Игорь на секунду задержал взгляд на ней. — Надеюсь, всё организовали как надо.

— Согласно утверждённому бюджету, — сухо ответила она.

Он усмехнулся.

— Бюджет — понятие гибкое. Как и вы, Анна.

Кристина хихикнула, будто Игорь отпустил безобидную шутку.

Аня сжала зубы настолько сильно, что едва не хрустнула эмаль.

— Проходим в автобус по списку, — громко сказала она остальным. — Сначала отделы, потом руководство. Не толпимся.

Когда Игорь занял место в первом ряду, рядом с ним устроилась Кристина, сняв светлую шапку так осторожно, будто проверяла, не испортилась ли из-за зимы причёска. Она оглядела салон, нашла Аню глазами.

— А в отеле есть спа? — спросила через проход.

— Есть, — ответила Аня. — По предварительной записи.

— Нам ведь можно без записи?

— Я уточняла. На тридцать первое всё расписано. Если освободится окно, вас поставят в лист ожидания.

Кристина посмотрела на Игоря: почему мир не выполняет элементарные обязанности?

— Анна, — тихо произнёс он, достаточно громко для двух ближайших рядов, — не заставляйте руководство заниматься такими мелочами.

— Я ими и занимаюсь, — ответила Аня. — Поэтому и сообщаю, что свободного времени нет. Если захотите изменить бронь, я могу передать номер администратора.

Он усмехнулся, но возразить было нечего. Аня застегнула папку и прошла дальше по салону.

В последнем ряду менеджеры уже спорили, чьё музыкальное приложение должно управлять колонкой. Кто-то предлагал шансон, кто-то — новогодние хиты, один несчастный человек надеялся просто доехать в тишине. Аня запретила включать колонку до выезда на трассу и почувствовала себя начальником музыкальной цензуры.

— Пойдем пешком, — предложила Катя, устраиваясь рядом с ней у окна. — До леса километров сто, зато нервы целые.

— И зарплату тогда платите вы.

— Нет, Крылова. За такую ответственность я не подписывалась.

— А новый совладелец где? — кто-то шепнул в толпе. — Говорили же, поедет.

— Он доберётся сам, — отрезал Игорь, как будто это его лично раздражало. — У человека другой уровень передвижения.

«Главное, чтобы он не требовал от меня отдельного расписания погоды», — мысленно добавила Аня.

Автобус выехал из города не сразу. Сначала долго выбирался из пробки возле торгового центра, где люди пытались в последние часы перед праздником приобрести всё, без чего прежде прекрасно жили целый год. За окнами тянулись ларьки с гирляндами, маршрутки, мокрые остановки и женщина с пакетом мандаринов, из которого торчала ёлочная ветка.

Аня смотрела на неё, пока автобус стоял на светофоре. У женщины был тот особенный быстрый шаг, с которым бегут домой, где кто-то ждёт. Аня поймала себя на том, что мысленно проверяет: у бабушки есть картошка, лекарства, чай. Лизины карандаши спрятаны в верхнем ящике, где дочь обычно не ищет. Чёрное платье в чемодане. Контейнер с котлетами у ног. Всё вроде бы на своих местах, кроме неё самой.

— Ты вообще хоть одну секунду умеешь ни о чём не думать? — спросила Катя.

— Сейчас попробую. Поставь секундомер.

Они просидели молча примерно четыре секунды.

— А вдруг отель перепутает номера? — сказала Аня.

— Рекорд побит, — объявила Катя. — Целых четыре.

В кармане завибрировал телефон. От администратора «Лесной Террасы» пришло сухое: «Уточнения по номерному фонду проверяем при заезде, часть изменений находится на согласовании с управляющей компанией». Аня перечитала дважды. Потом убрала сообщение в

отдельную папку с названием «Если что». Папка росла с каждым часом, как снежный ком, который никто не собирался убирать.

— Опять работа? — догадалась Катя.

— Население отеля на бумаге пока меньше, чем у нас в автобусе.

— Значит, кому-то придётся жить в лесу. Под ёлкой.

— Надеюсь, руководству. Им полезно ближе к природе.

Они засмеялись, и на секунду автобус стал похож не на служебную повинность, а на обычную поездку с подругой.

Когда пробка осталась позади, в салоне наконец стало тише. Кто-то задремал, кто-то проверял почту на телефоне, а за окном постепенно исчезали последние городские вывески.

Аня сидела у окна, с папкой документов на коленях, и смотрела, как постепенно за окном появляются поля и лес. Снег покрывал всё ровным слоем, будто кто-то старательно замазал все детали.

За первым поворотом трасса стала ровнее. Кто-то задремал, уронив голову на спинку переднего сиденья. Водитель прибавил отопление, окна начали запотевать. Катя раскрыла шоколадку и протянула Ане половину.

— На, пока не выяснилось, что в гостинице раздача еды только по согласованию с Игорем.

— У меня мама котлеты положила.

— Значит, ты самая богатая женщина в этом автобусе.

Аня улыбнулась и взяла шоколад. На языке он оказался неожиданно сладким. Поразиительно, сколько мелочей она давно перестала замечать: вкус нормального шоколада, тепло у окна, отсутствие необходимости куда-то бежать. Всё это было бесплатным, хотя она уже привыкла подсчитывать даже передышки.

Лес за окном начинался постепенно, сначала редкими деревьями вдоль полей, потом тёмными полосами елей. На одной из просек стоял одинокий дом с тонким дымком над трубой. Ане вдруг представилось, как там сейчас достают салаты из холодильника, кто-то ругается на гирлянду, ребёнок кланчит позволение открыть подарок раньше полуночи. Обычная жизнь, по которой она вдруг соскучилась.

Она достала из внутреннего кармана Лизину инструкцию. «ПОЕШЬ. НЕ ЗАБОЛЕЙ. ПРИЕЗЖАЙ». Под третьим пунктом обнаружилась крохотная приписка другим цветом: «И не теряй шарф». Утром девочка, значит, всё-таки успела её добавить.

Аня сунула листок обратно. Поесть она обещала. Не заболеть — постарается. Третий пункт пока зависел от чужого автобуса, погоды и человека, имя которого все обсуждали, хотя почти никто не видел.

— Новый совладелец точно будет? — спросила Катя сонным голосом, не открывая глаз.

— По документам — да. В жизни — не знаю.

— Хоть бы оказался нормальным.

— Катюш, у нас с тобой разные определения нормальности. Мне достаточно, чтобы он не потребовал стоять на голове в качестве новогоднего номера.

Катя усмехнулась и отвернулась к окну. Аня осталась с папкой на коленях и стала наблюдать, как за стеклом густеет снег.

Телефон вибрировал в кармане.

Сообщение от Лизы:

«Мам, когда приедешь, сразу пиши. И не забывай, что ты лучшая. Даже если начальник козёл».

Аня неожиданно улыбнулась. Скриншотить это сообщение она не стала — предпочла оставить его в памяти.

Она набрала ответ: «Буду вечером первого. Веди себя хорошо. Я тебя люблю».

Палец замер над экраном.

«Письма Деду Морозу уже уехали», — вспомнила она.

Где-то там, в другой машине, возможно, в другой реальности, лежал листок с корявыми буквами её дочери. И кто-то совершенно чужой однажды его прочитает.

Она нажала «отправить» и спрятала телефон.

Автобус въехал в лес.

Новый год, которого она не выбирала, начинался.

Глава 8. Чужой хозяин праздника.

«Лесная Терраса» встречала их как глянцевая открытка: подсвеченные ели, гирлянды вдоль крыши, стеклянный фасад, в котором отражался серый, тяжёлый зимний день.

Аня первой вышла из автобуса — с папкой в руках и чувством, что на этих листах держится весь этот праздник.

— Крылова Анна, компания «НордЛайн», — представилась она девушке на ресепшене. — У нас групповая бронь на корпоратив. Я — ответственная.

Девушка улыбалась слишком широко — фирменная улыбка отеля.

— Да, конечно. Сейчас найдём... — она быстро застучала по клавиатуре. — У вас... хм... семьдесят два человека, верно?

— Семьдесят шесть, — мгновенно поправила Аня. — Четыре человека добавились позже, списки я выслала.

— В системе пока семьдесят два, — девушка всё так же улыбалась. — Но мы что-нибудь придумаем.

Аня открыла планшет, затем ещё одну папку с распечатками. Сообщение о четырёх дополнительных участниках было отправлено неделю назад. Под ним — ответ отдела бронирования: «Изменения приняты, обновлённый список прикрепим к заказу». Оставалось выяснить, в какую именно вселенную его прикрепили.

— Вот подтверждение, — сказала она, развернув экран к администратору. — И письмо с датой. Я не прошу поселить людей в придуманные комнаты. Мне нужно понять, какие изменения вы уже приняли и что теперь действительно свободно.

Девушка перестала улыбаться на полсекунды. Ровно столько, сколько требовалось, чтобы проверить приложенную к договору таблицу ещё раз.

— Позову старшего менеджера, — сказала она.

— Спасибо. Только, пожалуйста, до того, как все семьдесят шесть решат, что их забыли в лесу.

За спиной кто-то громко требовал горячего чая. Кто-то интересовался, где туалет. Сотрудница бухгалтерии стояла с телефоном в руке и на всякий случай начинала звонить мужу: «Мы приехали, но ещё не поселились». Аня отметила, что семьдесят шесть человек — это не цифра в таблице. Это семьдесят шесть причин не откладывать решение до вечера.

«Когда администратор говорит “придумаем”, это значит “придумаете вы”», — устало подумала Аня.

В холле уже снимали видео для сторис, возились с чемоданами и громко спрашивали, когда выдадут ключи.

— Нам важно, чтобы руководители были размещены в соответствии с уровнем, — раздался знакомый голос Игоря. — Отдельные номера, повыше, подальше от... шума.

Слово «шума» он произнёс так, будто речь шла о мусоре.

Аня сжала папку.

— Я отсылала вам подробный список, — повернулась она к администратору. — Категория номеров, фамилии. Никаких сюрпризов быть не должно.

— Увы, — девушка на ресепшене чуть понизила голос. — Сюрпризы всегда есть. Один из люксов уже забронирован для личного гостя руководства. Поэтому остальным... придётся чуть-чуть потесниться.

— Какой ещё личный гость? — рявкнул Игорь. — Я никого не приглашал.

— Господин Сиверин, — ответила администратор. — Для него номер закреплён отдельно, по запросу управляющей компании. Он должен прибыть сегодня.

Имя ничего не сказала Ане, но по лицу Игоря было видно: ему сказала.

Он на секунду напрягся, потом вернул привычное невозмутимое выражение лица.

— Понятно, — процедил он. — Значит так: Анна, решайте вопрос с остальными номерами. Руководство разместить согласно статусу. Без “мы что-нибудь придумаем”. Вы здесь за этим.

Игорь отступил в сторону, уже набирая что-то на телефоне. Видимо, кому-то жаловаться. Аня проглотила раздражение.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте распечатку по номерам. Остальное — на мне.

Пока сотрудники разбирали чемоданы и спорили, кто с кем будет жить, Аня ходила между ними со списком и ручкой.

— Отдел продаж: номера двадцать три и двадцать четыре, по двое, — командовала она. — Бухгалтерия — на третьем этаже, там тише. Девочек не селить с мужчинами, если нет письменного согласия и обоюдного оружия.

Шутка прошла вяло, но пару улыбок всё-таки собрала.

— Аня, а можно нам с Леной вместе? — дёрнула её за рукав Катя. — Я с незнакомыми храпунами не уживаюсь.

— Вместе не обещаю, — ответила Аня. — Если не получится, попробую поселить вас по соседству.

Она уже начинала путаться в фамилиях и номерах, когда её снова позвали помочь с размещением.

Прежде чем вернуться к спискам, она успела найти свободный стул для Нины Петровны из бухгалтерии, которая дважды за утро пожаловалась на колено. Отельная девушка предлагала ждать прямо у стойки, где сесть было некуда. Аня перетаскала стул из соседнего зала сама.

— Не надо, доченька, — всполошилась Нина Петровна. — Я не развалюсь.

— Я тоже, — ответила Аня. — Но нас с вами лучше сегодня не проверять.

Пожилая женщина присела, благодарно кивнула и тут же попросила найти её чемодан. Чемодан стоял прямо у ноги стула. Аня молча пододвинула его поближе.

Катя поймала её у дверей.

— Ты в курсе, что автобусный водитель уже спрашивал, где ему обедать? — шепнула она. — А Игорь спрашивал, почему руководителей пока не ждёт отдельный чай. Видимо, обычный чай пачкает им репутацию.

— Спроси у водителя, что он ест, — ответила Аня. — И передай на кухню. Руководство выдержит десять минут без чаепития. В крайнем случае, их можно будет отпаивать тёплой водой из кулера.

Катя усмехнулась, но перед тем как уйти, задержалась.

— Слушай. Ты когда-нибудь позволишь кому-то ещё принять решение вместо тебя?

— Конечно. Если этот кто-то согласится потом выслушивать последствия.

Катя ушла. Аня поставила две новые галочки напротив фамилий, поправила ручку в папке и мысленно прибавила к рабочему дню уже три незапланированные задачи.

Именно тогда к крыльцу тихо подъехал чёрный внедорожник. Его почти не заметили — только водитель автобуса уважительно присвистнул:

— Во, похоже, ваш бог денег приехал.

Аня машинально подняла голову.

Из машины вышел мужчина без намёка на пафос: тёмная куртка, джинсы, никаких шуб и свиты. Но в том, как он двигался, было что-то очень узнаваемое — уверенность человека, который привык, что пространство подстраивается под него.

Он не оглядывался вокруг, не любовался украшениями — просто коротко кивнул портюе у входа и направился к ресепшену, словно у него тут не праздник, а деловая встреча.

— Это он? — Катя снова оказалась рядом. — Новый совладелец?

— Понятия не имею, — честно ответила Аня. — Но похоже.

Она не собиралась разглядывать его дальше: у неё в руках были списки, а на совести — семьдесят шесть человек, которые ждали ключи.

В холле сквозняк тянул от двери, и Аня остановилась у стены, чтобы на секунду перевести дух и собрать воедино номера, фамилии, пожелания, капризы.

— Вы Крылова? — раздался рядом низкий, спокойный голос.

Она обернулась.

Мужчина из внедорожника стоял в двух шагах, держа в руках тот самый рекламный буклет отеля, как будто занимал себя, пока ждал. Вблизи он оказался совсем не «олигархом в шубе»: коротко стриженные тёмные волосы с первыми проседями, резкие черты лица, внимательный, чуть прищуренный взгляд. Не красивый «картинный», как Игорь, но такой, у которого спрашивают дорогу и почему-то доверяют ответу.

— Да, — сказала Аня. — Анна Крылова. Административный отдел.

— Роман Сиверин, — представился он просто. — Думаю, вы уже слышали мою фамилию.

Секунда — и все кусочки сложились.

«Новый совладелец».

«Личный гость».

Люкс, который исчез из списка.

— Да, — повторила она чуть суше, чем стоило бы. — Слышала.

— Я видел список размещения, — он кивнул на папку у неё в руках. — Вы отвечаете за размещение?

— Я отвечаю за всё, за что никто больше отвечать не хочет, — вырвалось у неё.

Он чуть приподнял бровь.

— Честно.

— Устало, — поправила Аня. — Простите. Да, размещение на мне. У нас небольшая накладка по номерам, но я решу.

Он изучал её пару секунд. Не так, как Игорь — сверху вниз, оценивая, где можно уколоть. Скорее как задачу: «что это за человек и как он работает».

— И что вы будете делать, если решить не получится? — спокойно спросил он.

— Такое бывает редко, — она прямо выдержала взгляд. — Обычно получается. В крайнем случае, кто-то из руководства... проявит гибкость.

— Руководство редко проявляет гибкость, — заметил он. — Оно ожидает её от других.

— Тогда придётся проявить её мне, — отрезала Аня. — Но люди у нас спать лягут. В стоячем формате корпоратив не планировался.

Он коротко усмехнулся.

— Игорь Васильев уже успел рассказать мне, что на вас “можно всё повесить”, — сказал он. — Удивительно, сколько в вашей компании висит на одном человеке.

— На мне не висит, — холодно ответила Аня. — Я просто выполняю работу. Остальное — формулировки.

Он ненадолго задержал на ней взгляд.

— Ладно, — сказал он. — Если возникнет безвыходная ситуация — вернёмся к этому разговору. Номера всё равно не размножатся чудом, даже на Новый год.

— Я не рассчитываю на чудеса, — ответила она. — Я рассчитываю на список и здравый смысл.

— Смелое допущение, — бросил он, уже отворачиваясь.

Он ушёл к стойке ресепшен, и Аня поймала себя на странном ощущении: её только что проверили на прочность, как проверяют верёвку перед тем, как на неё что-то повесить.

Катя перехватила её взгляд.

— Ну что, похож на человека, у которого есть золотая карта в рай?

— На человека, которому никто не сообщает, что его заказанный люкс мешает расселить ещё четырёх.

— Это комплимент или диагноз?

— Пока не определилась.

Аня присела на край дивана и ещё раз проверила письмо из отеля. Хотелось немедленно отнести Сиверину на подпись целую папку с тем, как устроена их компания: каждый наверху издаёт распоряжение, внизу один человек придумывает, как заставить его работать. Но он хотя бы выслушал её до конца. Для их корпоративных привычек это уже было почти вызывающим поведением.

И всё-таки она не спешила записывать его в хорошие люди. У тех, кто не кричал, тоже имелись способы оставить других без выбора.

К вечеру путаница с номерами превратилась в полноценный квест.

— В обычных двухместных номерах третьего гостя размещать нельзя, — категорично заявила администратор. — Пожарные нормы.

— У меня здесь по трое в отделе может быть, — устало парировала Аня. — А в отеле — нет. Значит, надо кого-то переселить.

— Мы уже задействовали все свободные комнаты, — вступил старший менеджер. — У вас добавились четыре человека в последний момент, мы предупреждали, что мы на пределе.

Аня провела рукой по лицу.

На бумаге всё было просто: семьдесят шесть человек, двухместные стандарты, несколько номеров с согласованным дополнительным местом и люксы. На практике кто-то внезапно приехал с супругой, кто-то категорически не желал жить с коллегой, а кто-то требовал окно только на лес.

Сначала казалось, что недостающих мест четыре. Аня изучила фактический номерной фонд: две комнаты ошибочно значились одноместными, хотя были рассчитаны на двоих. Ещё в одном номере отель подтвердил разрешённое дополнительное спальное место с отдельным комплектом белья. После согласования трёх переселений оставалось найти последнюю кровать.

Четвёртое место никак не находилось. В её таблице без номера осталась всего одна фамилия — собственная. Аня могла ещё раз перетасовать список, но ни одна перестановка не создавала лишнюю кровать.

— Тогда нужен ещё один доброволец, — сказала она. — Один из люксов занят одним человеком, хотя там два спальных места. Если кто-то согласится разделить номер, вопрос решится.

— Руководству вряд ли понравится делить номер, — предупредил менеджер.

— Руководство всегда недовольно, — пожала плечами Аня. — Но хотя бы будет, где спать.

— И не думаю, что кто-нибудь из них согласится первым, — добавила администратор.

Аня стиснула зубы.

— Тогда я спрошу, — сказала Аня. — Я предлагаю людям не роскошь, а возможность переночевать без нарушения правил.

Менеджер переглянулся с администратором. Тем временем к стойке подошёл Игорь.

— Что здесь происходит? — его голос сразу стал громче, чем нужно. — Анна, вы не справляетесь?

— Я ищу добровольный вариант размещения, — спокойно ответила она. — В одном из люксов есть дополнительное спальное место. Иначе кто-то останется без кровати.

— Вы хотите, чтобы я с кем-то делил люкс? — ехидно спросил Игорь.

— Я пока никого не назначаю, — ответила Аня. — Спрашиваю, кто готов согласиться. Вы, насколько я понимаю, не готовы.

Игорь насмешливо хмыкнул.

— Мой номер оставьте в покое, — бросил Игорь. — У нас полно молодых сотрудников, они как-нибудь договорятся.

— И всё-таки, — вмешался вдруг третий голос.

Роман стоял рядом, словно появился из воздуха. Ни шагов, ни приближения Аня не заметила — просто в какой-то момент он уже был здесь.

— Может, сперва спросим самого человека, готов ли он разделить номер? — Роман смотрел не на Игоря, а на Аню.

— Я только этим и занимаюсь, — ответила Аня. — Но желающих пока нет. И люди уже несколько часов ждут ключей.

Он на секунду задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда берите мой номер в расчёт.

Игорь даже поперхнулся.

— В смысле — ваш?

— В прямом. В моём люксе есть диван, пригодный для сна. Если кто-то добровольно согласится разделить номер, я не стану возражать.

Аня почувствовала, как у неё внутри что-то дёрнулось.

— Простите, — произнесла она максимально вежливо. — Но мы не можем подселить к вам кого попало. Это нарушает и статус, и...

— Вы же сами сказали: людям нужно где-то спать. Я переживу соседство. Главное, чтобы второй человек тоже согласился.

— Да, но... — Аня сбилась. — Не все сотрудники будут комфортно чувствовать себя, живя с... акционером.

Он усмехнулся уголком губ.

— Тогда предлагайте номер только тому, кто согласится сам, — сказал он. — Если желающих нет, сообщите мне. Будем искать другой выход.

Это было разрешение, а не приказ. Но теперь Ане предстояло найти человека, готового ночевать в одном номере с совладельцем.

Аня кивнула, хотя внутри всё протестовало.

— Хорошо, — сказала Аня. — Я проверю, есть ли желающие.

— Хорошо. Держите меня в курсе, — он коротко кивнул и ушёл, оставив после себя лёгкое ощущение сдвинутого центра тяжести.

Игорь смотрел ей вслед с плохо скрываемой злостью.

— Полюбилась ему твоя гибкость, — процедил он тихо. — Не забывай, Анна, ты здесь работаешь, а не... устраиваешь себе новые варианты.

— Я здесь именно работаю, — холодно ответила она. — Вариантов у меня как раз немного.

Позже, сидя над списком в маленьком закутке рядом с ресепшеном, Аня смотрела на строчку «№ 305 — люкс, Сиверин Р. + ____» и понимала, что судьба пустой клетки сейчас в её руках.

Подселить туда кого-то из «своих»? Катю? Невозможно: подругу она не отдаст под такое напряжённое соседство. Одного из молодых сотрудников? Сломается от страха. Новую девочку из маркетинга? Скандал и сплетни обеспечены.

Аня посмотрела на свою фамилию в последнем столбце — пока без номера. Её поселение всегда оставляли на конец: организатору полагалось быть благодарным за любой угол, потому что он же «не отдыхать приехал».

Она ещё раз проверила варианты. Девушек из отдела нельзя было ставить перед выбором «или с акционером, или без номера». Можно было попросить кого-то поменяться, но так проблема только переместилась бы на чужое место.

Она позвонила дежурной по размещению и уточнила главное: в люксе 305 действительно есть полноценный диван с отдельным комплектом белья, два ключа и отдельная закрывающаяся ванная. Да, размещение двух взрослых людей разрешено. Нет, ничего общего, кроме номера, от них не требуется.

Она ещё раз оглядела список. Не было ни идеального варианта, ни человека, которому легко предложить эту неловкость. От этого выбор не становился приятнее — только понятнее.

Она по привычке закусил губу.

«Кто-то должен проявить гибкость», — вспомнились её же слова.

Она не хотела предлагать эту неловкость другим сотрудницам. И всё-таки, глядя на пустую клетку напротив собственной фамилии, Аня понимала: сейчас она выбирает сама, а не исполняет чужое распоряжение.

Аня медленно взяла ручку и вписала в пустую клетку аккуратными чёткими буквами:

«Крылова А. В. (административный отдел)».

Буквы легли ровно, без дрожи.

Рука дрогнула только потом.

Глава 9. Люкс без личного пространства.

Ключи звенели, как маленькие приговоры.

— Двадцать три — отдел продаж, — Аня раскладывала пластиковые карточки по стопкам. — Тридцать первый — бухгалтерия. Люксы — руководству... один по отдельному согласованию.

Ключ с золотистой надписью «305» она отложила чуть в сторону. Рядом — второй, с тем же номером.

— Анна, вы как кладовщик в армии, — усмехнулась Катя. — Кому жизнь, кому казарма.

— Кому-нибудь точно казарма достанется, — пробормотала Аня. — Главное, чтобы не на полу.

Игорь подошёл за своим ключом последним.

— Люкс, — он благосклонно принял карточку. — Как и должно быть. А ты где остановишься, Анна?

— Там, где будет свободно, — отрезала она.

Он скользнул взглядом по столу, выхватил глазами «305».

— О, — хмыкнул. — Наш новый царь тоже в люксе. Интересно, кто будет его... соседом по счастью.

— Это не ваш вопрос, — спокойно сказала Аня. — Все сотрудники размещены согласно списку.

— Ты всегда так любила списки, — бросил он напоследок. — Особенно те, которые подписывала не глядя.

Фраза ударила точнее, чем он, возможно, планировал. Аня сделала вид, что не услышала.

№ 305 был в конце коридора, под самой крышей. Там было тихо: шаги не гремели, смеха не было слышно, музыка из холла сюда ещё не добиралась.

Аня вставила карточку в замок, дверь мягко щёлкнула.

Люкс оказался почти нагло шикарным: большая кровать, диван, кресло у панорамного окна, мини-бар, отдельная зона с рабочим столом. Всё в бежево-золотой гамме, с правильным освещением, с видом на заснеженный лес.

«Это не моё», — автоматически подумала Аня.

В прежней квартире когда-то тоже были вещи, которых она касалась уверенно: занавески, выбранные вместе, чашка с отколотой ручкой, детский ростомер на стене. В день переезда оказалось, что уверенность — не документ, а занавески и чашки можно раздать в коробках гораздо быстрее, чем объяснить ребёнку, почему дом больше не дом.

Она посмотрела на мягкий ковёр у кровати. В другой жизни она бы спросила у горничной, чем отмывают с него пятна. В этой — боялась оставить на нём след от мокрых ботинок.

Аня разозлилась на себя и поставила ботинки ровнее. Ковёр был точно ни при чём.

Она поставила свою мягкую, потрёпанную сумку у стены, как чужую. Сняла пальто, повесила в шкаф, в котором уже висела мужская куртка и аккуратно сложенный в чехол костюм. На полке — аккуратный мужской несессер, часы, телефонная зарядка.

Запах в номере был не «мужским», а просто... не её. Чистый, холодный, дорогой.

Аня подошла к окну. Снег шёл гуще, чем утром: крупные хлопья падали непрерывно, скрывая дорогу, по которой они приехали.

В дверь тихо постучали.

Она дёрнулась неожиданно сильно.

— Да, — сказала, выровняв голос.

Роман вошёл без театральности — просто открыл дверь своим ключом и переступил порог, как человек, для которого любые двери — формальность.

На секунду он остановился, увидев её сумку и пальто.

— Значит, вы решили вопрос так, — констатировал он.

— Так вышло, — ответила Аня. — Я решила поселиться сама. Не хочу, чтобы кто-то из сотрудников чувствовал себя обязанным согласиться.

— Вы уверены, что не нарушаете свои? — спокойно уточнил он.

Она встретила взгляд.

— После развода я слишком хорошо знаю, как важно иметь возможность уйти, — сказала она. — Мне проще договориться с собой, чем объяснять сотрудницам, что им надо делить номер с акционером.

— Это ещё не значит, что вы обязаны оставаться, — ответил он. — Если передумаете, сообщите. Я не хочу, чтобы потом оказалось, что мой добровольный жест стал вашей обязанностью.

Она чуть не спросила, понимает ли он вообще, как работают обязанности в их компании. Вместо этого посмотрела на диван у окна.

— Я понимаю. И если передумаю, скажу. Без вашего разрешения.

— Именно это я и имел в виду.

На секунду повисла тишина. В ней не было ничего романтического: просто два незнакомых человека впервые согласились, что дверь у каждого должна оставаться открытой.

Он ухмыльнулся одними глазами.

— Логично, — признал. — Тогда договоримся ещё о нескольких вещах.

Он повесил куртку в шкаф, поставил чемодан у кровати, словно её присутствие ничего не меняло.

— Первое, — начал он, — у нас общее пространство, но разные жизни. Я не лезу в вашу, вы — в мою. Сможете?

— У меня нет ни времени, ни желания лезть в чужие жизни, — отрезала Аня. — Я здесь работаю. Даже когда сплю.

— Второе, — он продолжил, будто не заметив её тона. — Я могу работать ночью. Переговоры, документы. Возможно, будет свет, разговоры, ноутбук. Если это критично — говорите сейчас.

Она посмотрела на огромную кровать с мягким изголовьем, на диван у окна.

— Если я вырублюсь, меня не разбудит даже пожарная тревога, — честно сказала. — Главное, чтобы вы не устроили её сами.

— Не планировал, — заметил он. — И третье...

Он достал из чемодана толстую папку с логотипом их компании и незнакомой маркировкой: «Письма детей».

Аню чуть повело.

— Это... — голос сам сорвался.

— Письма, — спокойно сказал он. — Те самые, которые вы собирали. Их передали мне перед выездом. Сегодня-завтра буду разбирать, смотреть, что из этого вообще реально выполнить.

Она смотрела на папку, как на коробку с миной.

— Вы собираетесь читать все? — спросила хрипловато.

— А зачем тогда было устраивать цирк с “лично совладельцу”? — в его голосе не было пафоса. — В этом как раз и смысл: увидеть, что у людей в головах, а не только в отчётах.

«У детей», — хотела поправить она. Но смысла не было: для него пока это был просто проект.

— Если вам некомфортно, — он слегка наклонил голову, — можно попросить, чтобы папку перенесли в другой номер. Это не принципиально.

«Принципиально, — подумала Аня. — Но поздно».

— Нет, — сказала она. — Это ваша работа. Моя — не мешать. И сделать так, чтобы мероприятие прошло без катастроф.

— Катастрофы редко планируются заранее, — заметил он. — Ладно. Тогда живём.

Констатация прозвучала двусмысленно, но он не вкладывал в неё никакого флирта. Просто факт: они делят номер.

Оставшееся до банкета время Аня провела в беготне.

Списки, подтверждение меню, прогоны с ведущим, проверка аппаратуры, рассадка за столами. Каждый вопрос находил её, как будто на всех остальных висела табличка «не беспокоить».

— Анна, у нас вегетарианцы не отмечены!

— Анна, там колонка фонит!

— Анна, а где таблички с именами?

— Анна, наша бухгалтер забыла платье — можно ей заказать такси в город?

— Анна...

В какой-то момент выяснилось, что для детского стола заказаны красивые, но совершенно одинаковые подарочные коробки, а внутри у половины отсутствовали карточки с именами. Сотрудница гостиницы уверяла, что «детям всё равно», и Аня едва не спросила, давно ли та последний раз имела дело с ребёнком, которому подарили не его коробку.

Пришлось отыскать список семей, разложить подарки на отдельном столе и попросить Катю помочь с наклейками. Два комплекта почему-то оказались для подростков, хотя получателями значились первоклассники. Это исправили до появления гостей. Никто из руководства, вероятно, никогда не узнает, сколько потенциальных слёз удалось отменить обычной шариковой ручкой.

— Знаешь, — сказала Катя, наклеивая фамилию на последнюю коробку, — однажды я хочу устроить праздник, на котором тебя никто не будет искать.

— На моих похоронах?

— Ань!

— Ладно, на пенсии. Но тогда меню буду утверждать я.

Катя фыркнула. И Аня тоже — тихо и неожиданно легко.

К вечеру гул в голове слился в один сплошной шум.

Только один человек не обращался к ней по десять раз в час — Роман. Он, казалось, растворился где-то между короткими деловыми разговорами с Игорем и редкими, но меткими комментариями в адрес организаторов.

Её он не трогал. И от этого нервировало даже больше.

Ближе к шести вечера снег за окном превратился в плотную белую стену.

— Там такое творится, — зашептались официанты. — Дорогу уже подзамело.

Аня вышла на крыльцо, сунула руки в карманы. Ветер бил в лицо, снег летел почти горизонтально.

Подъездная дорога к отелю терялась в метели через двадцать метров.

— Красота, — Катя высунулась следом, с сигаретой. — Прямо «снежный плен». Ты хотела Новый год — получай.

— Я хотела премию, — Аня прикрыла глаза, чтобы не забивало снегом. — Плен не заказывала.

— Автобус завтра выедет — и ладно, — махнула рукой Катя. — С утра всё расчистят.

Аня кивнула, хотя внутри что-то подсказало: «не факт».

Сообщение от водителя пришло около половины седьмого.

«Анна, добрый вечер. По трассе М-... сильные заносы, перекрыли участок. Если так продолжится, выезд завтра может задержаться. Скажите руководству, пусть будут готовы».

Она перечитала два раза.

«Может задержаться» в переводе с водительского означало: «никто никуда не поедет, пока снег сам не передумает».

Аня подняла голову. В холле уже накрывали столы: белые скатерти, свечи, ёлка переливалась огоньками. Коллеги щебетали, поправляли платья и галстуки.

Она набрала короткое сообщение Лизе: «У вас всё спокойно? У нас снег по колено».

Ответ пришёл почти сразу: «Мы с бабушкой смотрим ёлку по телеку. Покажешь мне свою потом? И снег! Не забывай!»

Аня почувствовала лёгкую смешную боль: где-то за этой стеной снега её дочка верит, что мама просто «на празднике».

Она спрятала телефон и пошла искать Игоря и Романа.

Игорь отреагировал предсказуемо.

— Что значит “может задержаться”? — он вскипел. — У нас график, у людей планы!

— У погоды тоже план, — устало заметила Аня. — Снегопад сильнее нас. Я говорю о вероятности. Чтобы вы не строили иллюзий.

— Ты как всегда, — он махнул рукой. — Вместо решения — проблемы. Пусть водитель не ноет, а едет.

— Он физически не может, — вмешался Роман.

Он стоял чуть в стороне, но явно слушал.

— Я сейчас уточнял по своим каналам: участок трассы действительно перекрыт. Снегоуборочная техника не успевает. Если так пойдёт, вы уедете не первого, а когда вообще расчистят.

Игорь раздражённо выдохнул.

— Прекрасно, — процедил он. — Новый год в маленьком санатории с бухгалтерами. То, о чём я мечтал.

— Бухгалтерия платит вам зарплату, — спокойно напомнил Роман. — Могло быть хуже. Он перевёл взгляд на Аню.

— Предупредите людей, — сказал он. — Без паники, но честно. Им лучше знать сейчас, чем узнавать завтра в фойе с чемоданами.

Аня кивнула.

— И ещё, — добавил он. — Попросите администрацию отеля подготовить вариант продления проживания. Мы покидаем этот муравейник не скоро.

Слово «муравейник» прозвучало без презрения, скорее как констатация: он привык иметь дело с системами.

Аня уже разворачивалась, чтобы идти собирать сотрудников, когда он тихо добавил:

— И вы тоже приготовьтесь. Похоже, нам с вами придётся дольше делить квадратные метры.

Она почти физически почувствовала, как воздух вокруг неё стал плотнее.

«Снежный плен» перестал быть метафорой.

В номере она оказалась только на минуту — переодеться.

Роман сидел за рабочим столом, ноутбук открыт, рядом — та самая папка с письмами. Он что-то печатал, в руке — карандаш.

— Новости с дороги? — не отрываясь от экрана, спросил он.

— Плохие, — ответила Аня, доставая из чемодана своё чёрное платье. — Нас, скорее всего, не выпустят завтра. Я предупреждаю людей.

— Правильно, — коротко сказал он. — Паника хуже снега.

Она прошла к ванной, стараясь не думать о том, что переодевается в двух шагах от человека, который держит в руках папку с детскими мечтами. И, возможно, с мечтой её дочери.

Когда она вышла, он на секунду поднял глаза.

Он мельком посмотрел на неё и сразу вернулся к экрану. Аня не поняла, заметил ли он вообще её платье.

— Вы не похожи на тех, кто едет развлекаться, — заметил он.

— Я сюда не развлекаться приехала, — отозвалась Аня. — Я — техперсонал.

— Техперсонал обычно в униформе, — он снова опустил взгляд к экрану. — А вы почему-то отвечаете за всё.

— Потому что я когда-то подписала неправильные бумаги, — бросила она. — Теперь стараюсь читать всё внимательнее.

Он чуть дёрнул бровью, но промолчал.

Аня взяла с тумбочки бейдж, повесила на шею, как броню.

— Если вам кто-то будет нужен по организационным вопросам, — сказала она официальным тоном, — обращайтесь. Меня всё равно найдут первой.

— Я уже понял, — спокойно ответил он. — У меня, кстати, тоже к вам скоро будет вопрос. Но сначала — письма.

Он закрыл лежащую перед ним папку.

Аня почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Надеюсь, ваша дочь написала что-то, что можно исполнить, — вдруг добавил он, будто между делом.

Она обернулась.

— С чего вы взяли, что у меня есть дочь? — спросила тихо.

— В списке участников новогодней акции, — объяснил он. — Ваша фамилия была рядом с именем Лизы. Других подробностей там не было.

Он сказал это без осуждения. Просто факт, как строка в отчёте.

— Тогда... — Аня сглотнула. — Надеюсь, вы не будете подходить к её письму как к строке в отчёте.

— Посмотрю, о чём она написала, — ответил он. — Но обойтись с этим письмом как с обычной отчётностью, пожалуй, не получится.

Она ничего не ответила.

Просто открыла дверь и вышла — в шум, музыку и гирлянды, где от неё снова потребуют быть везде и сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.